

ISSN: 3033-6848

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

SCIENCE AND
KNOWLEDGE
INTEGRATION

№ 1 / 2025

[https://nskijournal.com /](https://nskijournal.com/)

Главный редактор журнала:

Стригунова Дина Павловна, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский кампус, Институт права и национальной безопасности, Юридический факультет имени М.М. Сперанского, кафедра международного и интеграционного права, Москва, Россия

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Василевич Дмитрий Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, Международный университет «МИТСО», кафедра международного права, Минск, Беларусь.

Гладун Елена Федоровна, доктор юридических наук, Институт государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Грэм Люк Д., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры публичного права и прав человека, Манчестерский университет, Манчестер, Великобритания

Гуторова Алла Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Здрок Оксана Николаевна, доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе и образовательным инновациям, Белорусский государственный университет, кафедра гражданского процесса и трудового права, Минск, Беларусь.

Кодиров Некруз Абдулмаджидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан

Конвей Джерард, PhD, старший преподаватель юридической школы Брунеля, Лондонский университет Брунеля, Лондон, Великобритания

Кравцова Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Магомедова Ольга Сергеевна, доктор юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Россия

Мазуренко Андрей Петрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Маличенко Владислав Сергеевич, доктор юридических наук, отдел социального законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия

Марчук Василий Васильевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

Несса Джасмин Джохурун, PhD, научный сотрудник по международному праву, Университет Бристоля, Бристоль, Великобритания

Самараратне Динеша, доктор наук, профессор публичного и международного права, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка

Фомичева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА, Орск, Россия

Хэдли Мари, доктор философии в области права, старший преподаватель Школы права и правосудия, Университет Ньюкасла, Новый Южный Уэльс, Австралия

Чжан Сяошань, кандидат юридических наук, преподаватель юридического факультета, Гуандунский университет иностранных языков, Гуанчжоу, Китай

Шахрай Ирина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: [https:// nskijournal.com /](https://nskijournal.com/)

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90287

ISSN: 3033-6848

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва.

© Science and knowledge integration, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.5. Международно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по

существованию исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Science and knowledge integration» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту АРА)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Science and knowledge integration» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Strigunova Dina Pavlovna, Doctor of Laws, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow Campus, Institute of Law and National Security, M.M. Speransky Faculty of Law, Department of International and Integration Law, Moscow, Russia

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Vasilevich Dmitry Grigoryevich, PhD in Law, Associate Professor, International University “MITSO”, Department of International Law, Minsk, Belarus.

Gladun Elena Fyodorovna, Doctor of Laws, Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Graham Luke D., PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Public Law and Human Rights, University of Manchester, Manchester, UK

Gutorova Alla Nikolayevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Constitutional Law, South-West State University, Kursk, Russia

Zdrok Oksana Nikolayevna, Doctor of Laws, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Educational Innovations, Department of Civil Procedure and Labour Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Kodirov Nekruz Abdulmadzhidovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

Conway Gerard, PhD, Senior Lecturer, Brunel Law School, Brunel University London, London, UK

Kravtsova Elena Aleksandrovna, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia

Magomedova Olga Sergeevna, Doctor of Laws, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

Mazurenko Andrey Petrovich, Doctor of Laws, Professor, Department of State and Legal Disciplines, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Malichenko Vladislav Sergeevich, Doctor of Laws, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Marchuk Vasily Vasilievich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminal Law, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

Nessa Jasmin Johurun, PhD, Research Fellow in International Law, University of Bristol, Bristol, UK

Samararatne Dinesha, PhD, Professor of Public and International Law, University of Colombo, Colombo, Sri Lanka

Fomicheva Olga Anatolyevna, Doctor of Laws, Professor, Orsk Branch of Moscow University of Finance and Law, Orsk, Russia

Hadley Marie, PhD in Law, Senior Lecturer, School of Law and Justice, University of

Newcastle, New South Wales, Australia

Zhang Xiaoshan, PhD in Law, Lecturer, School of Law, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

Shakhray Irina Sergeevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://nskijournal.com/>

Media registration number: No. FS77-90287

ISSN: 3033-6848

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Science and knowledge integration, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.2. Public-legal (state-legal) sciences

5.1.5. International Legal Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Science and knowledge integration" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Science and knowledge integration" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки	8
Псаррас Х. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ ПРАВОВОГО СТАТУСА.....	8
Лысаковский Г.А. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ	21
Соловьев П.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	33
Мазеин А.В. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	45
Себастьян Дж. ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ	56
5.1.5. Международно-правовые науки	67
Пилипенко А.А. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	67
Оуян Ц. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	78
Куницкая О.М. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА.....	89
Карни Т. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ И ПРИЗНАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ.....	100
Ян Ши ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ.....	112

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 347.962.6

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ ПРАВОВОГО СТАТУСА

**Псаррас Харис, Ph.D., Школа права, Саутгемптонский университет,
Саутгемптон, Великобритания, psarrhk@mail.ru**

Аннотация

В статье рассматривается вопрос ответственности судей в качестве относительно самостоятельного направления исследований. Первоочередное внимание уделено осмыслению специфики статуса судей и отдельным положениям Закона о статусе судей, на основании которого выделен ряд особенностей, отличающих судей по статусу от должностных лиц иных органов государственной власти и государственных органов. В этой части исследования автор описывает ответственность судей одновременно и как частный случай проявления их особого статуса судей, и как феномен, обусловленный другими составляющими их статуса. В части рассмотрения теоретико-правовых и законодательных основ института ответственности судей отмечаются уголовная, административная, дисциплинарная, конституционная, гражданско-правовая и этическая ответственность и представляется законодательная база, обеспечивающая их реализацию. В центре внимания автора находятся отдельные проблемы правового регулирования ответственности судей. Среди них вопросы соотношения дисциплинарной и этической ответственности, вопросы соразмерности наказаний за вынесение заведомо неправосудного приговора или иного судебного акта, вопросы не функционирующего института административной ответственности судей. Проанализировав перечисленные проблемы, автор предлагает некоторые меры по их решению, предполагающие внесение изменений в УК РФ, КоАП РФ и Кодекс судейской этики.

Ключевые слова: административная ответственность судьи, дисциплинарная ответственность судьи, институт ответственности судей, правосудие, статус судей, судья, уголовная ответственность судьи

Статья поступила в редакцию 31.03.2025, одобрена после рецензирования 08.05.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

THE RESPONSIBILITY OF JUDGES AS AN ELEMENT OF THEIR LEGAL STATUS

Haris Psarras, Ph.D., School of Law, University of Southampton, Southampton, United Kingdom

Abstract

The article examines the issue of judicial responsibility as a relatively independent area of research. Priority attention is given to understanding the specifics of the status of judges and certain provisions of the Law on the Status of Judges, which highlights a number of features that distinguish judges by status from officials of other public authorities and government agencies. In this part of the study, the author describes the responsibility of judges both as a special case of their special status as judges and as a phenomenon caused by other components of their status. Regarding the consideration of the theoretical, legal and legislative foundations of the institution of judicial responsibility, criminal, administrative, disciplinary, constitutional, civil and ethical responsibility are noted and the legislative framework for their implementation is presented. The author focuses on certain problems of the legal regulation of the responsibility of judges. Among them are the issues of the correlation of disciplinary and ethical responsibility, the proportionality of punishments for the imposition of a knowingly unjustified verdict or other judicial act, and the issues of the non-functioning institution of administrative responsibility of judges. Having analyzed the

listed problems, the author suggests some measures to solve them, involving amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, the Administrative Code of the Russian Federation and the Code of Judicial Ethics.

Keywords: administrative responsibility of a judge, disciplinary responsibility of a judge, institution of judicial responsibility, justice, status of judges, judge, criminal responsibility of a judge

Введение

Судьи, представляющие отечественную систему правосудия, наделены особым статусом, что следует из норм Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» [4] (далее также – Закон о статусе судей). И очевидно, что это обстоятельство не могло не сказаться на институте ответственности судей, причем как в материальном, так и в процессуальном аспекте: порядок привлечения к ответственности их отличен от порядка привлечения к ответственности иных категорий граждан; отличны и составы противоправных деяний, и меры ответственности. Это дает основания для выделения вопросов ответственности судей в качестве отдельного, относительно самостоятельного направления исследований, со своей особой проблематикой.

Вопросы института ответственности судей требуют пристального внимания по двум причинам: во-первых – ввиду наличия ряда существенных особенностей; во-вторых – ввиду наличия спорных аспектов законодательного регулирования.

Специфика статуса судей

Учитывая изложенное выше, общие вопросы ответственности судей должны исследоваться именно в контексте их правового статуса, поэтому рассмотрение специфики статуса судей в рамках настоящей статьи является первоочередной задачей. Для ее реализации внимание важно сосредоточить на нормах Закона о статусе судей.

Согласно указанному Закону, особенности судейского статуса заключены в следующем:

- в наличии судебной власти (п. 1 ст. 1);
- в самостоятельности и независимости от законодательной и исполнительной властей (п. 2 ст. 1);
- в профессиональном характере деятельности (п. 3 ст. 1), обеспечиваемом, в том числе, высокими требованиями к их образованию и квалификации, которую необходимо подтверждать;
- в неподотчетности (п. 4 ст. 1);
- в единстве статуса (ст. 2);
- в особом порядке назначения на должность и освобождения от должности (ст.ст. 6, 14–15);
- в наличии специальных законодательных гарантий независимости (ст.ст. 9 и 10);
- в бессрочном характере судейских полномочий (ст. 11);
- в несменяемости судей (ст. 12);
- в неприкосновенности (ст. 16);
- о особом порядке привлечения к ответственности (ст. 16).

Каждая из перечисленных выше особенностей заслуживает отдельного рассмотрения, но в рамках данной статьи для этого нет возможностей, поэтому целесообразно охарактеризовать только некоторые из них. Так, особый порядок назначения судей на должность, установленный ст. 6 рассматриваемого Закона, предполагает решение данного вопроса на самом высоком уровне. В частности, судей федеральных судов общей юрисдикции районного (городского) уровня назначает на должность Президент Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации (п. 3 ст. 6 Закона о статусе судей).

Бессрочный характер полномочий и несменяемость, характерные статусу судей, существенно отличают судей от любых иных должностных лиц,

занимающих должности в тех или иных органах государственной власти и государственных органах. Безусловно, это не означает невозможность смены судей, их перемещения в рамках судебной системы. Но целом указанные принципы предполагают максимальную стабильность. Данный подход представляется оправданным, с учетом участия в назначении судей низовых звеньев судебной системы даже высших органов государственной власти и Президента.

Что касается неподотчётности судей, то в целом эта особенность их статуса заключается в отсутствии обязанностей докладывать кому-либо о тех или иных аспектах выполняемой работы. Однако это не исключает осуществления контроля за судьями, в том числе в части соблюдения ими антикоррупционного законодательства, а также материального и процессуального законодательства при исполнении должностных обязанностей по рассмотрению конкретных судебных дел.

Особый порядок привлечения судей к ответственности проявляется по-разному в контексте каждого конкретного вида ответственности. Так, в сфере реализации уголовной ответственности в отношении судей, наряду с некоторыми другими категориями субъектов, установлен особый порядок производства, согласно ч. 1 ст. 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее также – УПК РФ).

Таким образом, можно говорить о наличии многих особенностей, определяющих в целом специфику статуса судей. И в этой связи ответственность, с одной стороны, может быть охарактеризована как частный случай проявления особого статуса судей; с другой стороны, ответственность закономерно обусловлена другими составляющими их статуса.

Теоретико-правовые и законодательные основы института ответственности судей

Анализ основных источников отечественного законодательства, упоминающих о судьях в контексте ответственности, в частности, Уголовного

кодекса Российской Федерации [1] (далее также – УК РФ), Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее также – КоАП РФ), Закона о статусе судей, позволяет выделить следующие виды ответственности:

- уголовную;
- административную;
- дисциплинарную.

Эти виды ответственности следует рассматривать как основные в контексте исследуемой темы. Хотя выделение их в качестве основных ещё не даёт оснований характеризовать их как наиболее часто реализуемые на практике. В этом плане лишь дисциплинарная ответственность может характеризоваться как наиболее часто реализуемая.

Помимо того, в научной литературе говорится и о других видах ответственности судей, а именно о:

- гражданско-правовой;
- конституционной;
- этической и пр. [8, с. 122].

Однако выделение этих видов ответственности в контексте рассматриваемой темы в определённой мере сомнительно. Так гражданско-правовая ответственность в отношении судей реализуется как в отношении физических лиц, граждан, а не как в отношении должностных лиц, наделённых судебским статусом. Что касается конституционной ответственности, то ее выделение является скорее гипотетически возможным, а практическую реализацию можно рассматривать скорее как исключение, нежели как правило.

Выделение этической ответственности, как самостоятельного вида ответственности, оказывается ещё более спорным, ведь если руководствоваться положениями Закона о статусе судей, в частности, ст. 12.1, то нарушение этических норм, закрепленных в Кодексе судейской этики [5], влечет именно дисциплинарную ответственность. То есть этическая ответственность,

рассматриваемая в научной литературе как самостоятельная, законодателем в качестве таковой не рассматривается и объединяется с дисциплинарной ответственностью.

Таким образом, институт ответственности судей включает, прежде всего, уголовную, административную, дисциплинарную ответственность. Этот перечень может быть дополнен конституционной, этической и гражданско-правовой ответственностью, хотя последние три вида ответственности принципиальной роли не играют, в том числе ввиду специфического подхода законодателя, объединяющего этическую ответственность с дисциплинарной и нивелирующего гражданско-правовую и конституционную ответственность.

Некоторые проблемы правового регулирования ответственности судей

В. А. Ефанова совершенно обоснованно замечает, что «вопрос об ответственности судьи, пожалуй, один из самых сложных в статусе судьи» [8, с. 121]. Поэтому рассмотреть все аспекты этой проблематики не представляется возможным, учитывая малый объем данного исследования. Будут затронуты лишь некоторые аспекты ответственности судей, оцениваемые нами как наиболее значимые. И в первую очередь среди всей проблематики рассматриваемого института следует выделить уголовную ответственность.

В ней центральное место занимает ответственность за «вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта», предусмотренная ст. 305 УК РФ. Исходя из буквального смысла данной нормы, уголовную ответственность влекут лишь такие действия судьи, которые носят заведомый характер. В иных случаях, когда вынесенный судьей приговор или другой акт был признан неправосудным и при этом не носил заведомо неправосудного характера, уголовная ответственность не наступает, независимо от последствий. Поэтому думается, что ст. 305 создает условия для максимально лояльной правовой оценки действий судей в случае их халатного отношения в своим судебским обязанностям, связанным с рассмотрением дел.

Еще более лояльным представляется отношение законодателя к судьям, допустившим вынесение незаконного приговора к лишению свободы или чьи действия в связи с вынесением неправосудного акта повлекли иные тяжкие последствия: наказание за такого рода преступления, в соответствии с ч. 2 ст. 305 УК РФ, состоит в лишении свободы на срок от 3 до 10 лет. Однако в случае, когда неправосудный приговор был сопряжен, например, с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 25 лет либо пожизненного лишения свободы, указанная санкция «до 10 лет» оказывается явно несоразмерной содеянному, а значит, и несправедливой.

Проблема реализации уголовной ответственности оказывается еще сложнее, если учесть, что «грань между судебной ошибкой и умыслом может быть достаточно условной» [6, с. 96], а это означает чрезвычайную трудность установления заведомого характера вынесенного неправосудного приговора или иного судебного акта.

Представляется важным затронуть также вопрос соотношения дисциплинарной и этической ответственности судей, который, как выше было отмечено, не отличается однозначностью. Согласно п. 1 ст. 12.1 Закона о статусе судей, в качестве дисциплинарного проступка рассматривается виновное действие (бездействие), нарушающее не только указанный Закон, но и Кодекс судейской этики. В то же время нормы Кодекса судейской этики представляются недостаточно конкретными. Например, ст. 6 гласит, что «судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности», что позволяет гипотетически привлечь его к дисциплинарной ответственности практически за любое деяние, отклоняющееся от этических представлений судей, рассматривающих дисциплинарное дело. В этом видится неопределенность оснований для дисциплинарной ответственности судей, что, по мнению О. В. Гергесова и А. Н. Дерюги, позволяет использовать институт дисциплинарной ответственности в качестве средства давления на судей [7]. Проблема оказания давления на судей относится к числу одной из наиболее острых [10]. Поэтому

создание законодательных предпосылок для неоправданно широкого применения оснований дисциплинарной ответственности судей можно назвать неуместным.

Более того, М. И. Клеандровым отмечается, что рассматриваемые нормы предполагают «привлечение к дисциплинарной, т. е. юридической по своей природе, ответственности за совершение чисто этического (не юридического) проступка» [9, с. 112]. И такая формула дисциплинарного проступка судьи рассматривается указанным исследователем как дефектная, с чем стоит согласиться.

Вопрос ответственности за судебные ошибки тоже требует пристального внимания, особенно с учетом невозможности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий за такого рода нарушения [12, с. 224].

Следует сказать и о практически нефункциональном институте административной ответственности судей, в рамках которого решение вопроса о привлечении судьи к административной ответственности принимается на основании представления Генерального прокурора Российской Федерации, согласно п. 4 ст. 16 Закона о статусе судей. При это КоАП РФ не содержит норм, детально раскрывающих порядок производства по делам об административных правонарушениях в отношении судей и прочих субъектов с особым статусом, а лишь отсылает правоприменителя к Конституции и федеральным законам. В то же время в юридическом сообществе высказываются мнения о необходимости урегулирования процедуры привлечения к ответственности субъектов, имеющих особый статус [11, с. 88], с чем невозможно не согласиться.

Заключение

Институт ответственности судей полон недостатков, и в целях их устранения целесообразно реализовать ряд мер.

Во-первых, необходимо пересмотреть подход к регулированию ответственности за вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или

иного судебного акта, внедрив принцип соразмерности. Иными словами, например, за вынесение заведомо неправосудного приговора, сопряжённого с назначением пожизненного лишения свободы, целесообразно назначать аналогичное наказание, то есть в виде пожизненного лишения свободы.

Во-вторых, следует нормативно уточнить основания дисциплинарной ответственности, а именно конкретные составы, по крайней мере, в части нарушения судейской этики (в Кодексе судейской этики). Соответственно, деяния, не охватываемые нормативно закреплёнными составами, не должны влечь дисциплинарной ответственности.

В-третьих, важно детально урегулировать вопросы реализации административной ответственности в отношении лиц, наделённых статусом судей, а также иных субъектов с особым статусом, дополнив КоАП РФ соответствующей главой.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. (с изм. и доп. от 25 мар. 2022 г.) // Рос. газ. – 1996. – 18-20 июня.; 2022. – 28 мар.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. ; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. (с изм. и доп. от 25 мар. 2022 г.) // Рос. газета. – 2001. – 22 дек.; 2022. – 28 мар.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. (с изм. и доп. от 16 апр. 2022 г.) // Рос. газ. – 2001. – 31 дек.; 2022. – 19 апр.

4. О статусе судей в Российской Федерации : закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I : принят Верховным Советом Рос. Федерации 26 июня 1992 г. (с изм. и доп. от 16 апр. 2022 г.) // Рос. газета. – 1992. – 29 июля; 2022. – 19 апр.
5. Кодекс судейской этики : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 дек. 2012 г. (с изм. и доп. от 8 дек. 2016 г.) // Официальный портал Верховного Суда РФ. – URL: https://vsrf.ru/about/info/documents_regulations/1979/
6. Верченко Н. И., Метельский П. С. Уголовная ответственность за заведомо неправосудные приговор, решение или иной судебный акт // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 3. С. 93–102.
7. Гергесов О. В., Дерюга А. Н. Судейская этика, дисциплина и ответственность, как гарантия прав и свобод граждан // Юридический факт. 2019. № 72. С. 19–23.
8. Ефанова В. А. Проблемы статуса судьи в Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 119–132.
9. Клеандров М. И. О дефектности формулы дисциплинарного проступка российского судьи // Журнал российского права. 2018. № 4(256). С. 110–121.
10. Романенко Н. В. Неприкосновенность судьи – эффективная гарантия его независимости? // Российская юстиция. 2018. № 2. С. 41–44.
11. Селиванов И. Я. Административная ответственность судей и прокурорских работников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 81–88.
12. Сумин А. А. Право на судебную ошибку – легализация судейского непрофессионализма и личной безответственности судей // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 223–225.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyun. 1996 g. № 63 FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maya 1996 g. : odobr. Sovetom Federacii

Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyun. 1996 g. (s izm. i dop. ot 25 mar. 2022 g.) // Ros. gaz. – 1996. – 18-20 iyun.; 2022. – 28 mar.

2. Ugolovno-processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dek. 2001 g. № 174-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 noyab. 2001 g. ; odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 dek. 2001 g. (s izm. i dop. ot 25 mar. 2022 g.) // Ros. gazeta. – 2001. – 22 dek.; 2022. – 28 mar.

3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30 dek. 2001 g. № 195-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 20 dek. 2001 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 dek. 2001 g. (s izm. i dop. ot 16 apr. 2022 g.) // Ros. gaz. – 2001. – 31 dek.; 2022. – 19 apr.

4. O statuse sudej v Rossijskoj Federacii : zakon Ros. Federacii ot 26 iyun. 1992 g. № 3132-I : prinyat Verxovny`m Sovetom Ros. Federacii 26 iyun. 1992 g. (s izm. i dop. ot 16 apr. 2022 g.) // Ros. gazeta. – 1992. – 29 iyul.; 2022. – 19 apr.

5. Kodeks sudejskoj e`tiki : utv. VIII Vserossijskim s`ezdom sudej 19 dek. 2012 g. (s izm. i dop. ot 8 dek. 2016 g.) // Oficial`ny`j portal Verxovnogo Suda RF. – URL: https://vsrf.ru/about/info/documents_regulations/1979/

6. Verchenko N. I., Metel`skij P. S. Ugolovnaya otvetstvennost` za zavedomo nepravosudny`e prigovor, reshenie ili inoj sudebny`j akt // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. T. 17, № 3. S. 93–102.

7. Gergesov O. V., Deryuga A N. Sudejskaya e`tika, disciplina i otvetstvennost`, kak garantiya prav i svobod grazhdan // Yuridicheskij fakt. 2019. № 72. S. 19–23.

8. Efanova V. A. Problemy` statusa sud`i v Rossijskoj Federacii // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2016. № 3. S. 119–132.

9. Kleandrov M. I. O defektnosti formuly` disciplinarnogo prostupka rossijskogo sud`i // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 4(256). S. 110–121.

10. Romanenko N. V. Neprikosnovennost` sud`i - e`ffektivnaya garantiya ego nezavisimosti? // Rossijskaya yusticiya. 2018. № 2. S. 41–44.

11. Selivanov I. Ya. Administrativnaya otvetstvennost' sudej i prokurorskix rabotnikov // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2019. № 1 (126). S. 81–88.
12. Sumin A. A. Pravo na sudebnuyu oshibku – legalizaciya sudejskogo neprofessionalizma i lichnoj bezotvetstvennosti sudej // Vestnik e`konomicheskoy bezopasnosti. 2021. № 2. S. 223–225.

Научная статья

УДК 342.565

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Лысаковский Григорий Антонович, к.ю.н., доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, lysakovgr.ant@mail.ru

Аннотация

Конституционный Суд РФ является высшим звеном судебной системы, обеспечивая реализацию конституционного контроля и, соответственно, правовую охрану сформировавшегося в России конституционного строя. Однако вопросы правового регулирования и правоприменительной практики в сфере конституционного правосудия остаются спорными, на что и обращается внимание автором. В работе рассматриваются цели конституционного правосудия, полномочия Суда, реализуемые в рамках осуществления конституционного правосудия, отмечается дискуссионность вопроса о наличии политической составляющей в конституционном правосудии и обосновывается позиция, признающая политическую составляющую в деятельности данного Суда. При этом автор исходит не из ситуации, которая имеет место де-юре, а из положения, сформировавшегося де-факто. В статье также предпринимается попытка осмыслить некоторые аспекты деятельности Конституционного Суда РФ, отражающие значение конституционного правосудия. Затрагивается такая проблема, как возможность изменения позиции Суда по одному и тому же вопросу без существенных оснований. В числе проблем выделяется и отсутствие механизма приведения в исполнение постановлений Конституционного Суда. В завершении делается вывод о необходимости некоторых преобразований в части регулирования вопросов конституционного правосудия.

Ключевые слова: конституционное правосудие, Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, права человека, правоприменительная практика, судебная практика, судебная система

Статья поступила в редакцию 10.04.2025, одобрена после рецензирования 06.05.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

CONSTITUTIONAL JUSTICE AND ITS ROLE IN ENSURING THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Grigory Lysakovskiy, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Intellectual Property Law of the Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The Constitutional Court of the Russian Federation is the highest level of the judicial system, ensuring the implementation of constitutional control and, consequently, the legal protection of the constitutional system established in Russia. However, the issues of legal regulation and law enforcement practice in the field of constitutional justice remain controversial, which is what the author draws attention to. The paper examines the goals of constitutional justice, the powers of the Court, implemented in the framework of the implementation of constitutional justice, notes the controversial issue of the presence of a political component in constitutional justice and substantiates the position recognizing the political component in the activities of this Court. At the same time, the author proceeds not from a de jure situation, but from a de facto situation. The article also attempts to comprehend some aspects of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, reflecting the importance of constitutional justice. The issue raised is the possibility of changing the Court's position on the same issue without substantial grounds. One of the problems is the lack of a mechanism for enforcing the decisions of the Constitutional Court. In conclusion, it is

concluded that there is a need for some changes in the regulation of constitutional justice issues.

Keywords: constitutional justice, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, human rights, law enforcement practice, judicial practice, judicial system

Введение

Конституционный Суд Российской Федерации (далее также – КС РФ) является одним из важнейших звеньев отечественной судебной системы, обеспечивая осуществление судебной власти посредством конституционного судопроизводства, что закреплено в ч.ч. 2 и 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации [1] (далее также – Конституция РФ). Однако роль конституционного правосудия в развитии отечественной правовой системы недостаточно прояснена, ввиду неопределенности правовой природы и правового статуса актов, которые принимает КС РФ. При этом в настоящее время существует ряд проблем, выражающихся, в частности, в неисполнении постановлений КС РФ, непостоянстве позиций, формулируемых КС РФ по поводу толкования конституционных норм. Это не могло не породить научного интереса к выбранной теме.

Основная часть

Исходя из положений ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» [2] (далее – Закон о КС РФ), в качестве целей конституционного правосудия, которое осуществляет КС РФ, выступают:

- 1) защита конституционного строя;
- 2) защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- 3) обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ.

Указанные цели находятся между собой в неразрывной связи, и их выделение российским законодателем является вполне обоснованным. При этом

и разграничение указанных целей представляется весьма проблематичным, ввиду их частичного совпадения друг с другом. Так, защиту существующего конституционного строя вряд ли можно представить без обеспечения верховенства Конституции РФ. В то же время, верховенство Конституции РФ не может быть обеспечено в условиях, когда конституционный строй не защищается.

Также обеспечение верховенства Конституции РФ и защита конституционного строя неотрывны от защиты прав и свобод человека и гражданина, так как, например, указанные права и свободы относятся к числу основ конституционного строя (ст. 2 Конституции РФ), а Конституция РФ закрепляет эти основы (ст. 15 Конституции РФ).

Описанными выше целями вряд ли можно всесторонне охарактеризовать роль конституционного правосудия, хотя именно их реализация обеспечивает в целом основу для построения российской правовой системы. И в этой связи полномочия КС РФ также являются отражением той роли, которую конституционное правосудие играет в развитии российской правовой системы.

Согласно ст. 3 Закона о КС РФ, в круг его полномочий входят, в частности:

- 1) проверка конституционности законодательных и подзаконных нормативных актов;
- 2) разрешение споров о компетенции между органами власти;
- 3) разрешение вопроса о возможности исполнения решений иностранных или международных (межгосударственных) судов и иных органов;
- 4) дача толкования Конституции РФ и пр.

При этом важно подчеркнуть, что, согласно ст. 3 рассматриваемого Закона, «Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права». Это означает, что де-юре КС РФ аполитичен, хотя де-факто вряд ли уместно говорить о его аполитичности, учитывая отсутствие принципиальных расхождений позиции КС РФ с позицией высших органов законодательной и исполнительной власти.

В контексте изложенного уместно сказать о том, что в литературе высказывается мнение о политико-юридическом характере деятельности конституционного суда, причем не только применительно к российской судебной системе и КС РФ, но и применительно к конституционным судам других государств. Так, М. Н. Марченко приводит три аргумента в обоснование политической составляющей деятельности конституционного суда:

1) конституционный суд, будучи носителем судебной власти, не может быть неполитическим институтом хотя бы ввиду того, что власть в любом государстве есть явление исключительно политическое;

2) полномочия конституционного суда при рассмотрении многих спорных вопросов носят политизированный характер;

3) предметы спора, которые ставятся перед конституционными судами многих государств, носят политический характер, как и многие цели деятельности конституционного суда, являющиеся в значительной мере политическими [7, с. 62–63].

Н. Н. Тарусина, признавая наличие политической составляющей в деятельности КС РФ, отмечает, что конституционное правосудие находится между правом и политикой [9, с. 74]. Думается, что это достаточно точно отражает соотношение юридической и политической составляющих в конституционном правосудии.

Вопрос о роли конституционного правосудия и, соответственно, о роли КС РФ для развития правовой системы, неразрывно связан с определением правовой природы и значения постановлений КС РФ. И по этому поводу до настоящего момента единая позиция среди юристов не сформировалась, на что неоднократно указывалось в правовой литературе. Так, в науке ведутся споры о том, относится ли постановление КС РФ к источникам права [4, с. 22; 6, с. 155], что нельзя назвать случайным, ведь законодатель оставляет данный вопрос без внимания с момента образования этого звена судебной системы. Но некоторые выводы о правовой природе постановлений КС РФ все же возможно сделать, ориентируясь

на имеющиеся в Законе о КС РФ нормы, хотя и с некоторой долей субъективности.

Так, ст. 79 Закона о КС РФ гласит, что юридическая сила постановления КС РФ не может быть преодолена повторным принятием этого же акта. То есть данное положение, с учетом других норм указанного Закона, свидетельствует об императивном характере характеризуемого судебного акта. Причем этот акт оказывает прямое влияние на конкретные нормы законодательства, по поводу которых принимается. В этом смысле постановление КС РФ если ни де-юре, то, по крайней мере, де-факто имеет нормативное значение. В противном случае как можно расценить акт, признающий неконституционной (иначе говоря, незаконной) какую-либо норму закона и фактически запрещающий ее применение (отменяющий ее)?

С. Д. Багдасарян и ряд других исследователей подчеркивают императивность и общеобязательность постановлений КС РФ, выносимых по поводу толкования норм Конституции РФ, по поводу конституционности нормативных правовых актов, а также определений, имеющих позитивное содержание [4, с. 23]. Эти характеристики тоже во многом сближают рассматриваемые акты КС РФ с нормативными актами, а саму деятельность КС РФ по осуществлению конституционного правосудия – с правотворческой деятельностью законодательных органов власти.

В свете изложенного представляется весьма интересной позиция В. А. Кряжкова и Л. В. Лазарева, которые отмечают, что принимаемое в КС РФ решение, в частности, наполняет проверяемую норму конституционно-правовым смыслом, обеспечивает стабильность и одновременно корректировку правового регулирования и правоприменения [5, с. 24]. Нельзя не согласиться с этой позицией, по крайней мере, если оценивать роль актов КС РФ не де-юре, а де-факто, то есть с учетом возможности КС РФ достаточно свободно интерпретировать нормы Конституции РФ и принимаемого на ее основе

законодательства, и даже кардинально изменять тот смысл норм, который им придается в правоприменительной практике.

Нельзя не обратить внимание на взгляды Б. С. Эбзеева, который отметил, что акты КС РФ позволяют адаптировать текст Конституции РФ к потребностям российского общества [10, с. 21]. В этом смысле конституционное правосудие есть инструмент, посредством которого Основной Закон страны делается более гибким. А это, в свою очередь, обеспечивается и изменчивостью практики КС РФ. Это подмечает И. Л. Ситникова, пишущая о субъективном характере правовых позиций КС РФ и способности их изменяться с течением времени [8, с. 133].

Изложенное находит подтверждение и в актах КС РФ. Так, в Постановлении КС РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П говорится, в частности, о том, что правовые позиции КС РФ могут уточняться либо изменяться в целях адекватного выявления смысла тех или иных конституционных норм, их духа, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования [3]. Таким образом, КС РФ фактически признает, что в рамках конституционного правосудия интерпретация одной и той же нормы закона в разные периоды времени может быть неодинакова и зависеть от самых разных факторов. Причем именно КС РФ берет на себя ответственность определять, каким именно образом в тот или иной период следует толковать норму закона. И думается, что такая позиция создает условия для возникновения противоречий в судебной практике и обуславливает непредсказуемость перспектив разрешения многих споров.

Интересно также, что Б. С. Эбзеев трактует современную Конституцию РФ не только как сам нормативный документ, принятый в результате всероссийского референдума 1993 г., но и как полтора десятка томов актов конституционного правосудия и постепенно складывающуюся конституционную традицию, а также идеологию и психологию конституционализма [10, с. 21]. Соответственно, конституционное правосудие, в рамках которого КС РФ принял эти полтора

десять томов судебных актов, можно рассматривать как инструмент развития Конституции РФ и российского конституционализма.

То есть конституционное правосудие оказывает немаловажное влияние на действующее законодательство. Более того, как полагают С. Д. Багдасарян и его соавторы, именно от КС РФ, а значит, от конституционного правосудия напрямую зависит качество законодательства и то, насколько действенно и полноценно будут исполняться конституционные принципы [4, с. 23].

Роль конституционного правосудия, тем не менее, не следует переоценивать. И в этом контексте роль конституционного правосудия, выраженная в нормах законодательства де-юре, отличается от роли, которая сложилась де-факто: «Теоретически решения КС РФ должны быть безусловно исполнены, но на практике имеются примеры, когда решения не исполняются на разных уровнях власти на протяжении нескольких лет» [4, с. 23-24]. Подтверждением тому является информация из представленного на официальном портале Минюста России Перечня решений КС РФ, требующих принятия нормативных правовых актов [11].

В контексте изложенного нельзя не отметить, что «КС РФ является единственным судом, не обладающим правовым механизмом принудительного исполнения своих решений» [4, с. 24]. Думается, что отсутствие действенного механизма исполнения решений КС РФ негативно отражается на его реальных возможностях. В этой связи можно полагать, что в случае наличия механизма, который бы обеспечивал исполнение постановлений КС РФ, указанная проблема была бы менее острой.

Характеризуя роль конституционного правосудия, нельзя не сказать о некоторой трансформации, которая произошла в рассматриваемой сфере с момента создания КС РФ и до настоящего времени. По мнению В. А. Кряжкова, полномочия КС РФ постепенно модифицировались и конъюнктурно расширялись, а гарантии его независимости и самостоятельности последовательно сокращались, в результате чего снизилась и способность КС РФ

уравновешивать законодательную и исполнительную власть, эффективно защищать основные права и свободы граждан [5, с. 30]. Очевидно, что все это не лучшим образом отразилось на развитии отечественной правовой системы, хотя нельзя сказать, что она претерпевала изменения только в негативном ключе.

Заключение

Конституционное правосудие, таким образом, есть политико-правовое средство реализации конституционного контроля, обеспечиваемого, в частности, путем проверки в определенных случаях нормативных правовых актов на соответствие Конституции РФ, толкования конституционных норм и решения некоторых других вопросов. Все это позволяет корректировать не только судебную практику в контексте соблюдения Конституции РФ, но и законодательство, принимаемое в соответствии с Конституцией. Специфика конституционного правосудия заключается в том, что в его рамках принимаются акты, которые де-юре имеют сугубо судебную природу, но де-факто играют роль продуктов правотворческой деятельности, что кардинально отличает данный вид правосудия от иных видов, применительно к российской судебной системе.

Среди главных проблем конституционного правосудия можно отметить его необеспеченность механизмом исполнения актов КС РФ, а также непостоянство позиций КС РФ. Указанные проблемы, по убеждению автора, целесообразно разрешить на уровне конституционного регулирования, внося соответствующие изменения (дополнения) в нормы Основного Закона страны. Для этих целей представляется необходимым, во-первых, дополнить Конституцию РФ положениями, ограничивающими возможности КС РФ по пересмотру ранее выраженных позиций относительно ее толкования; во-вторых, дополнить Конституцию РФ нормами, обязывающими высший орган законодательной власти в определенные сроки рассматривать вопросы о принятии нормативных правовых актов во исполнение решений КС РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.
2. О Конституционном суде Российской Федерации : федер. констит. закон от 21 июл. 1994 г. № 1-ФКЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации. 24 июн. 1994 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 июл. 1994 г. (с изм. от 1 июл. 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5045.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами граждан : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2005 г. № 13-П // СПС Гарант. URL : <http://base.garant.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
4. Багдасарян С. Д., Гришина Т. М., Шпаннагель Д. Роль Конституционного правосудия в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина в России // Российское право онлайн. 2021. № 1. С. 18–26.
5. Кряжков В. А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32.
6. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: учебное пособие. М.: БЕК, 1998. 439 с.
7. Марченко М. Н. Конституционный суд как субъект политических отношений // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1. С. 56–63.
8. Ситникова И. Л. О юридической сути правовых позиций высшего органа Конституционного правосудия Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2019. № 3(47). С. 132–136.

9. Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1(55). С. 64–75.
10. Эбзеев Б. С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. № 1(120). С. 20–27.
11. Перечень решений Конституционного Суда Российской Федерации, требующих принятия нормативных правовых актов // Официальный портал Минюста России. URL: <https://minjust.gov.ru/> (дата обращения: 02.03.2025).

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.
2. O Konstitucionnom sude Rossijskoj Federacii : feder. konstit. zakon ot 21 iyul. 1994 g. № 1-FKZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii. 24 iyun. 1994 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 12 iyul. 1994 g. (s izm. ot 1 iyul. 2021 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 1994. № 13. St. 1447; 2021. № 27 (ch. I). St. 5045.
3. Po delu o proverke konstitucionnosti otdel`ny`x polozhenij Federal`nogo zakona «Ob obshhix principax organizacii zakonodatel`ny`x (predstavitel`ny`x) i ispolnitel`ny`x organov gosudarstvennoj vlasti sub``ektov Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhalobami grazhdan : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 dek. 2005 g. № 13-P // SPS Garant. URL : <http://base.garant.ru> (data obrashheniya: 02.03.2025).
4. Bagdasaryan S. D., Grishina T. M., Shpannagel` D. Rol` Konstitucionnogo pravosudiya v sfere zashhity` prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii // Rossijskoe pravo onlajn. 2021. № 1. S. 18–26.

5. Kryazhkov V. A. Kak konstitucionnaya reforma 2020 goda izmenila Konstitucionny`j Sud Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 9. S. 18–32.
6. Kryazhkov V. A., Lazarev L. V. Konstitucionnaya yusticiya v Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie. M.: BEK, 1998. 439 s.
7. Marchenko M. N. Konstitucionny`j sud kak sub`ekt politicheskix otnoshenij // Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk. 2008. № 1. S 56–63.
8. Sitnikova I. L. O yuridicheskoy suti pravovy`x pozicij vy`sshego organa Konstitucionnogo pravosudiya Rossijskoj Federacii // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2019. № 3(47). S. 132–136.
9. Tarusina N. N. Konstitucionnoe pravosudie: o nekotory`x popravkax v zakonodatel`stvo // Vestnik Yaroslavsogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarny`e nauki. 2021. T. 15, № 1(55). S. 64–75.
10. E`bzeev B. S. Aktual`ny`e problemy` realizacii Konstitucii Rossii 1993 goda // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2018. № 1(120). S. 20–27.
11. Perechen` reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii, trebuyushhix prinyatiya normativny`x pravovy`x aktov // Oficial`ny`j portal Minyusta Rossii. URL: <https://minjust.gov.ru/> (data obrashheniya: 02.03.2025).

Научная статья

УДК 342.571

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Соловьев Павел Витальевич, к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного права и государственного управления, Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Беларусь,
psolov_vit@yahoo.com**

Аннотация

Проблематика общественного контроля автором рассматривается на основе Федерального закона № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В статье затронуты такие аспекты регулирования, понятие «общественный контроль», его принципы, субъекты, вопросы ответственности противодействие его осуществлению. В части анализа понятия общественного контроля подчёркивается недостаточная его законодательная проработанность и указание в самом определении на цели, которые в специальной статье о целях общественного контроля отсутствуют. В связи с этим отмечается неуместность выделения в качестве цели общественного контроля наблюдения за деятельностью властных структур. В части анализа круга субъектов общественного контроля автором подчёркивается формальное отсутствие граждан среди таких субъектов в нормах указанного Закона, несмотря на наличие них соответствующих прав. В части обсуждения сферы регулирования выделена проблема ограниченного действия Закона № 212-ФЗ, а именно его нераспространение на некоторые сферы общественных государственно- властных отношений. Исходя из выявленных из проанализированных проблем предложены три меры по совершенствованию правовых основ общественного контроля: введение в закон принципа недопустимости противодействия законному общественному контролю;

расширение круга субъектов общественного контроля; расширение сферы деятельности Закона № 212-ФЗ.

Ключевые слова: гражданский контроль, Конституция РФ, общественный контроль, общественное мнение, общественные объединения, принципы общественного контроля, субъекты общественного контроля

Статья поступила в редакцию 08.05.2025, одобрена после рецензирования 04.06.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS OF PUBLIC CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Pavel Solovyov, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Constitutional Law and Public Administration, Polotsk State University, Novopolotsk, Belarus

Abstract

The author considers the problems of public control on the basis of Federal Law No. 212-FZ "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation". The article touches upon such aspects of regulation as the concept of "public control", its principles, subjects, issues of responsibility and opposition to its implementation. In terms of the analysis of the concept of public control, it is emphasized that its legislative elaboration is insufficient and that the definition itself indicates goals that are not included in the special article on the goals of public control. In this regard, it is noted that it is inappropriate to single out monitoring of the activities of government structures as a goal of public control. In terms of analyzing the range of subjects of public control, the author emphasizes the formal absence of citizens among such subjects in the norms of this Law, despite the existence of their respective rights. In terms of discussing the scope of regulation, the problem of the limited effect of Law No. 212-FZ, namely its non-proliferation to certain areas of public government

relations, is highlighted. Based on the problems identified from the analyzed, three measures are proposed to improve the legal foundations of public control: the introduction of the principle of inadmissibility of countering legitimate public control into the law; the expansion of the range of subjects of public control; the expansion of the scope of Law No. 212-FZ.

Keywords: civil control, Constitution of the Russian Federation, public control, public opinion, public associations, principles of public control, subjects of public control

Введение

Многонациональный российский народ выступает единственным источником власти в стране, о чем говорится в ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации [1] (Конституция РФ). Согласно ч. 2 этой же статьи, власть народа реализуется как непосредственно, так и посредством органов государственной власти и органов местного самоуправления. Из этого следует, что общественный контроль в целом базируется на конституционных положениях, хотя непосредственно в Конституции РФ нет каких-либо норм, в которых бы упоминалось о такой форме реализации власти народа.

Значение общественного контроля выражается в том, что он выступает в качестве одного из тех инструментов, которые обеспечивают влияние народа, как источника власти, на негативные явления, присутствующие в работе органов государственной власти и местного самоуправления, и минимизацию этих негативных явлений [10, с. 95]. В этом смысле именно благодаря общественному контролю обеспечивается противодействие таким явлениям, как злоупотребление должностными полномочиями, коррупция, халатность и пр. Между тем, институт общественного контроля нельзя назвать эффективным применительно к российским реалиям, в связи с чем вопросы, связанные с регулированием данного института и повышением его эффективности, оказываются в числе наиболее актуальных.

Основная часть

Правовую основу для практической реализации общественного контроля составляет, прежде всего, принятый 21 июля 2014 г. Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3] (Закон № 212-ФЗ). На его рассмотрении следует сосредоточить особое внимание, поскольку нормы, которые в нём содержатся, отражают специфику общественного контроля в Российской Федерации. При этом они вызывают много вопросов.

Итак, в ст. 4 указанного Закона общественный контроль определяется в качестве деятельности субъектов общественного контроля, которая осуществляется «в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций», осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений».

И первое, на что стоит обратить внимание в данном случае, - это цели общественного контроля, в качестве которых декларируются:

- 1) наблюдение;
- 2) общественная проверка;
- 3) анализ;
- 4) общественная оценка.

Исходя из этого, можно сделать вывод о весьма ограниченном спектре целей общественного контроля

Кроме того, приведенное определение применимо только к правоотношениям, урегулированным именно данным законом. Соответственно, понимание общественного контроля в этом Законе является жёстко ограниченным, формальным.

Поэтому в научной литературе встречается множество других подходов к трактовке сущности общественного контроля. Например, Г. Н. Комкова и

Е. В. Бердникова предлагают понимать общественный контроль как систему процедур и механизмов, в рамках которых реализуется наблюдение и анализ деятельности властных структур со стороны институтов гражданского общества в целях выявления нормативных отклонений в процессе их функционирования и поддержания либо восстановления нарушенных правовых установлений [7, с. 12]. Думается, что такой подход к рассмотрению общественного контроля является более последовательным, более конкретным, отражающим подлинное предназначение рассматриваемого института.

Нельзя не обратить внимание на ч. 2 ст. 4 рассматриваемого Закона, где говорится о возможности реализации общественного контроля как в формах, предусмотренных данным федеральным законом, так и в других формах, которые предусмотрены иными федеральными законами. В этой связи было бы совершенно оправданным применение определения, представленного в ст. 4, также к любым другим сферам, где реализуется общественный контроль.

В контексте изучения проблематики общественного контроля невозможно не обратить внимание на ст. 5 Закона № 212-ФЗ, где более конкретно определены цели и задачи общественного контроля. Так, в указанной статье декларируются три цели, а именно:

- 1) обеспечение реализации и защиты прав и свобод;
- 2) обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и пр. общественных субъектов;
- 3) общественная оценка деятельности органов власти.

В числе задач, коих насчитывается семь, можно выделить содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов, реализацию гражданских инициатив, обеспечение прозрачности и открытости властных структур, повышение эффективности деятельности органов власти, формирование нетерпимости к коррупции.

Здесь надо отметить наличие некоторых противоречий. Так, в ст. 4, где содержится определение общественного контроля, упоминается о наблюдении как цели. В то же время в ст. 5 о наблюдении, как цели общественного контроля, не говорится. И есть мнение о том, что декларирование в качестве цели именно наблюдения как такового является юридической ошибкой, поскольку цель является результатом деятельности. В связи с чем высказывается предложение о признании в качестве единственной цели общественного контроля обеспечения законности, общественного порядка и безопасности [10, с. 96]. Такой взгляд на проблематику целей и на сам феномен общественного контроля представляется обоснованным.

Стоит обратить внимание и на выделенные в ст. 6 рассматриваемого Закона принципы общественного контроля, среди которых объективность, беспристрастность, публичность, открытость и пр. В то же время, в числе принципов общественного контроля, декларируемых в указанной норме, ничего не говорится о недопустимости противодействия законной деятельности субъектов общественного контроля. В связи с чем видится необходимость дополнения спектра указанных принципов.

В контексте проблематики регулирования общественного контроля нельзя не обратить внимание на дискуссию касательно соотношения общественного контроля с гражданским контролем. В этой связи А. Ю. Кирьянов высказывает мнение о том, что гражданский контроль принципиально отличен от общественного: если первый осуществляется конкретным гражданином, то последний – организациями [6]. Такая позиция поддерживается также С. А. Рогановым и Т. Л. Рогановой, которые оба вида контроля именуют негосударственным контролем, обеспечивающим взаимопонимание и взаимодействие между государственными структурами и населением [10, с. 95].

Однако такая позиция принципиально противоречит позиции законодателя, выраженной в ст. 3 Закона № 212-ФЗ, говорится о праве граждан на участие в осуществлении общественного контроля, причём как лично, так и в

составе общественных объединений, и в составе прочих негосударственных некоммерческих организаций. Иными словами, с точки зрения законодателя, осуществляемый отдельным гражданином контроль является именно общественным, а не гражданским. В этой связи Гражданский контроль представляется вполне возможным рассматривать как феномен, идентичный феномену общественного контроля.

Особо стоит затронуть проблематику определения круга субъектов общественного контроля. В ст. 9 рассматриваемого Закона в числе субъектов перечисляются Общественная палата РФ, региональные общественные палаты, общественные палаты муниципальных образований, общественные советы при органах власти. Но в числе субъектов не выделяются граждане. Вместе с тем, ст. 3 рассматриваемого Закона гарантирует права граждан на участие в осуществлении общественного контроля, причём не только в составе общественных объединений, но и лично. И в этом усматриваются определённые противоречия.

В этой связи в литературе высказывается мнение о том, что такой подход к регулированию вопросов общественного контроля может поставить под сомнение объективность и полноту общественного контроля, что будет означать и определённое ущемление общественно значимых интересов. Основания тому есть вполне конкретные: составы общественных советов утверждаются правовым актом соответствующего органа власти [10, с. 98]. С другой стороны, государство не может отстраниться от процедуры формирования структур, реализующих общественный контроль по вполне объективным причинам: вряд ли можно исключить возможность формирования каких-либо структур, которые противопоставляют себя государственным институтам, враждебны государству и имеют целью дискредитацию государственных институтов власти. Поэтому участие государства, например, в формировании общественной палаты, представляется необходимым, по крайней мере, на федеральном уровне.

Вместе с тем, проблема неоднозначного положения гражданина, как субъекта общественного контроля, остаётся открытой. Например, в литературе граждане именуют совершенно обоснованно субъектами общественного контроля, по крайней мере применительно к контролю за деятельностью органов внутренних дел [8]. Помимо того, в ст. 50 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2] граждане тоже упоминаются в числе субъектов общественного контроля, наряду с общественными объединениями. Это даёт основание предложить дополнить Закон № 212-ФЗ соответствующей нормой, признающей гражданина субъектом общественного контроля.

Нельзя не затронуть и вопрос весьма ограниченного действия Закона № 212-ФЗ. Ч. 3 ст. 2 исключает распространение норм данного Закона на ряд сфер общественных отношений, в частности на сферу реализации избирательных прав, сферу общественных обсуждений и публичных слушаний в области градостроительства, сферу охраны окружающей среды, сферу контроля за обращением с животными. Это означает, что рассматриваемый Закон лишь частично регулирует вопросы общественного контроля, и в целом законодательство в этой сфере не является систематизированным, оно разрозненно. Поэтому представляется необходимым дополнить указанный Закон нормами, которые будут определять специфику общественного контроля в тех сферах, на которые он не распространяется в настоящее время. В настоящее же время применительно к указанным сферам проблематика общественного контроля исследуется отдельно [9].

Надо сказать, что в литературе в целом позитивно оценивается политика Российского государства в части развития института институтов общественного контроля, хотя усилия эти характеризуется как недостаточные [5, с. 90]. В частности, обращается внимание на отсутствие норм об уголовной и административной ответственности за противодействие общественному контролю, в том числе в области борьбы с коррупцией [4, с. 130].

В целом институты общественного контроля расцениваются как недостаточно эффективные. Причем такие оценки даются и представителями власти. Например, С. Берёзкин, выступая в Совете Федерации, отметил важность дальнейшего совершенствования механизма реализации общественного контроля, конкретизации его субъектов, объектов, права контроллеров и прочих аспекты. Более того, он отметил принципиальную важность детализации механизмов сотрудничества между властными структурами, общественными организациями и СМИ [11].

Заключение

Институты общественного контроля в целом крайне важны для реализации власти народом, как единственным ее источником. Государство же предпринимает большие усилия по развитию таких институтов. Однако проблем в области правового регулирования и реализации общественного контроля в настоящий момент немало. Поэтому и для их разрешения предложен ряд законодательных мер:

1) дополнить круг принципов общественного контроля принципом недопустимости противодействия законно осуществляемой деятельности субъектов общественного контроля, внося соответствующие изменения в ст. 6 Закона № 212-ФЗ;

2) расширить круг субъектов общественного контроля, причислив к ним граждан. Соответствующие изменения должны быть внесены в ст. 9 Закона № 212-ФЗ;

3) расширить сферу деятельности Закона № 212-ФЗ, включив в нее и те сферы, на которые он в настоящее время не распространяется, с учетом специфики каждой из сфер.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.
2. О полиции: федер. закон от 7 фев. 2011 г. № 3-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации. 28 янв. 2011 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 фев. 2011 г. (с изм. от 28 апр. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; 2023. № 18. Ст. 3249.
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июл. 2014 г. № 212-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации. 4 июл. 2014 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июл. 2014 г. (с изм. от 27 дек. 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213; 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8424.
4. Гончаров В. В. Общественный контроль как средство противодействия коррупции в органах государственного управления в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2019. № 2(54). С. 124-132.
5. Зубарев С. М. Новые технологии общественного контроля: реальность или иллюзия? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 43. С. 72–93.
6. Кирьянов А. Ю. Общественный и гражданский контроль: правовое разграничение понятий // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 3–6.
7. Комкова Г. Н., Бердникова Е. В. Содержание объекта и предмета общественного контроля в Российской Федерации: теоретико-правовые вопросы // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4(112). С. 11–19.
8. Майоров В. И., Занина Т. М. Общественные советы при органах внутренних дел как один из институтов гражданского общества: современное

состояние и перспективы развития // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 95–100.

9. Михеева Т. Н., Шабалин Г. Ю. Совершенствование законодательства об электоральном общественном контроле // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 22–27.

10. Роганов С. А., Роганова Т. Л. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1(67). С. 92–101.

11. С. Березкин: Правовой механизм организации общественного контроля в РФ требует дальнейшего совершенствования // Официальный портал Совета Федерации Федерального Собрания. – 2022. – 9 фев. – URL: <http://council.gov.ru/events/news/133184/> (дата обращения: 13.04.2025).

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.

2. О полиции: feder. zakon ot 7 fev. 2011 g. № 3-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii. 28 yanv. 2011 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 2 fev. 2011 g. (s izm. ot 28 apr. 2023 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2011. № 7. St. 900; 2023. № 18. St. 3249.

3. Ob osnovax obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 21 iyul. 2014 g. № 212-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii. 4 iyul. 2014 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 9 iyul. 2014 g. (s izm. ot 27 dek. 2018 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2014. № 30 (ch. I). St. 4213; 2018. № 53 (ch. I). St. 8424.

4. Goncharov V. V. Obshhestvenny`j kontrol` kak sredstvo protivodejstviya korrupcii v organax gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovoj analiz) // Vesnik Magilyoŷskaga dzyarzhajnaga

ŷniversite`ta imya A. A. Kulyashova. Sery`ya D. E`kanomika, sacyyalogiya, prava. 2019. № 2(54). S. 124-132.

5. Zubarev S. M. Novy`e texnologii obshhestvennogo kontrolya: real`nost` ili illyuziya? // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2019. № 43. S. 72–93.

6. Kir`yanov A. Yu. Obshhestvenny`j i grazhdanskij kontrol`: pravovoe razgranichenie ponyatij // Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1. – S. 3–6.

7. Komkova G. N., Berdnikova E. V. Soderzhanie ob`ekta i predmeta obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovy`e voprosy` // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2019. № 4(112). S. 11–19.

8. Majorov V. I., Zanina T. M. Obshhestvenny`e sovety` pri organax vnutrennix del kak odin iz institutov grazhdanskogo obshhestva: sovremennoe sostoyanie i perspektivy` razvitiya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1. S. 95–100.

9. Mixeeva T. N., Shabalin G. Yu. Sovershenstvovanie zakonodatel`stva ob e`lektoral`nom obshhestvennom kontrole // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 3. S. 22–27.

10. Roganov S. A., Roganova T. L. Obshhestvenny`j kontrol` v sfere protivodejstviya korrupcii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 1(67). S. 92–101.

11. S. Berezkin: Pravovoj mexanizm organizacii obshhestvennogo kontrolya v RF trebuet dal`nejshego sovershenstvovaniya // Oficial`ny`j portal Soveta Federacii Federal`nogo Sobraniya. – 2022. – 9 fev. – URL: <http://council.gov.ru/events/news/133184/> (data obrashheniya: 13.04.2025).

Научная статья

УДК 352

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Мазеин Артем Владимирович, к.ю.н., доцент, Институт технологий управления, МИРЭА - Российский технологический университет, Москва, Россия, kravela.blg@yandex.ru

Аннотация

В статье поднимается проблематика, связанная с осмыслением феномена местного самоуправления в контексте отечественных государственно-правовых реалий, формируемых конституционными идеями и положениями действующего Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В качестве центрального выделяется вопрос обоснованности признания института местного самоуправления государственным, по аналогии с другими официальными институтами, обеспечивающими реализацию публичной власти. В рамках предпринимаемой автором попытки поддержать идею оценки роли местного самоуправления как конституционно-правового института, одновременно и обосновывается несостоятельность признания автономности института местного самоуправления. Развивая идею конституционности местного самоуправления, автор сравнивает его государственным управлением, акцентируя особое внимание на наличии сходств. Приходя к выводу о невозможности признания местного самоуправления одной из форм самоорганизации граждан в целом, автор допускает рассмотрение местного самоуправления в качестве формы самоорганизации граждан лишь применительно к отдельным формам, таким, как сход граждан, собрание граждан и т.д. Муниципальные выборы и муниципальный референдум, традиционно выступающие элементами местного самоуправления, автором приравниваются к выборам и референдуму, проводимым на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, органы государственной власти, органы местного самоуправления, органы публичной власти, публичная власть, Федеральный закон № 131-ФЗ

Статья поступила в редакцию 13.04.2025, одобрена после рецензирования 24.05.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF PUBLIC AUTHORITY

Artem Mazein, Candidate of Law, Associate Professor, Institute of Management Technologies, MIREA - Russian Technological University, Moscow, Russia

Abstract

The article raises issues related to the understanding of the phenomenon of local self-government in the context of domestic state-legal realities, formed by constitutional ideas and the provisions of the current Federal Law "On the general principles of the organization of local self-Government in the Russian Federation." The central issue is the validity of recognizing the institution of local self-government as a state institution, by analogy with other official institutions that ensure the implementation of public authority. Within the framework of the author's attempt to support the idea of assessing the role of local self-government as a constitutional and legal institution, at the same time, the inconsistency of recognizing the autonomy of the institution of local self-government is substantiated. Developing the idea of the constitutionality of local self-government, the author compares it to public administration, emphasizing the similarities. Coming to the conclusion that it is impossible to recognize local self-government as one of the forms of self-organization of citizens in general, the author allows local self-government to be considered as a form of self-organization of citizens only in relation to certain forms, such as citizens' gatherings, citizens' assemblies, etc.

Municipal elections and municipal referendums, traditionally acting as elements of local self-government, are equated by the author to elections and referendums conducted at the federal and regional levels.

Keywords: local government, municipal entity, state authorities, local governments, public authorities, public authorities, Federal Law No. 131-FZ

Введение

Рассматриваемый в настоящей статье феномен местного самоуправления стал неотъемлемым компонентом российского общественно-государственного устройства, что во многом обусловлено его ролью как формы народовластия, а также института, позволяющего разрешать общественно значимые вопросы местного (городского, районного) масштаба, то есть в рамках муниципального образования [8, с. 274].

С юридической же точки зрения, с точки зрения законодателя местное самоуправление получило прочное конституционно-правовое закрепление, например, в ч. 2 ст. 3 Конституции РФ [1] в качестве одной из форм осуществления народовластия, наряду с формами непосредственной демократии и реализации власти народом через органы государственной власти. Тем не менее остаётся предметом острых дискуссий вопрос места и роли указанного института, особенно с учётом сравнительно недавно проведённой конституционной реформы, в результате которой был уточнён ряд значимых положений в части определения роли местного самоуправления.

Основная часть

Определяя сущность местного самоуправления в контексте форм реализации публичной власти, важно сначала конкретизировать само понятие «власть», которое разными авторами трактуется неодинаково, но может быть определено как одна из форм социальной каузальной связи, выражающаяся в наличии устойчивых отношений между субъектом и объектом и подчинении объекта субъекту в соответствии с его намерениями [5, с. 98, 105]. Иными

словами, установление и реализация власти предполагает навязывание субъектом своей воли подвластному объекту. И такое понимание власти предельно характеризует ее предельно широко.

Если говорить о местном самоуправлении, то здесь имеет место реализации власти народа (народовластия), которая, по замечанию С. А. Авакьяна, является публичной, политической властью. Соответственно, государственная власть и местное самоуправление выступают разновидностями политической власти народа [6, с. 58].

В контексте изложенного особое внимание важно обратить на публичный характер власти, реализуемой на базе зафиксированных в Конституции РФ идей. И если понятие публичной власти в отечественной правовой науке обсуждается уже давно, то в современном законодательстве оно появилось лишь в связи с внесением поправок в Конституцию РФ, хотя и не было определено нормативно. Данные поправки во многом были закономерными и объективно обусловленными, но в то же время способствовали обострению дискуссии по рассматриваемой проблематике.

В научно-теоретическом контексте публичную власть трактуют по-разному, но в рамках одного из наиболее широко поддерживаемых подходов она понимается в качестве системы органов, причем не только включаемых в триединую систему разделения властей, но и иных органов, имеющих публичный статус, в том числе и муниципальных [4, с. 202].

Отдельные конституционные положения вызывают вопросы в части определения сущности местного самоуправления и выявления его реальной роли в современной системе публичной власти. В этой связи интерес представляет содержание ст. 12 Конституции РФ, которая:

- признает и гарантирует местное самоуправление;
- декларирует его самостоятельный статус;
- предусматривает функционирование осуществляющих местное самоуправление органов вне системы органов государственной власти.

Исходя их представленных положений можно было сделать вывод о местном самоуправлении как о некоем обособленном феномене, который относительно отдалён от государства и сферы государственного управления. Однако вряд ли такие представления соответствуют объективным реалиям, определяемым не только законодательством, но и практикой его применения и практикой реализации публичной власти в государстве на всех уровнях.

Н. Л. Пешин указывает на возможность рассмотрения местного самоуправления как:

- средства отстаивания интересов тех или иных социальных групп;
- средства влияния государства на соответствующие социальные группы;
- как первого и второго [6, с. 325-326].

И здесь надо признать роль местного самоуправления и как средства отстаивания интересов перед властными структурами более высоких уровней, и как средства влияния вышестоящих властных структур на те или иные социальные группы. Причем реализуется оно в тесном контакте с органами государственной власти и иными властными структурами, представляющими именно государство. И с учётом этого грань между местным самоуправлением и государственной властью становится практически незаметной.

Поэтому не является случайным высказываемое в литературе мнение о неуместности обособления от государственной власти института местного самоуправления, который фактически становится продолжением государственной власти [6, с. 342]. И несмотря на то, что такое видение не в полной мере отражает позицию российского законодателя на настоящий момент, он в полной мере соответствует сложившейся в России политико-правовой действительности.

Уместность признания государственно-правовой природы местного самоуправления становится еще более понятной, если признать, что негосударственная природа местного самоуправления изначально базировалась на уже давно выработанной западной концепции, которая в современном мире

уже устарела. Поэтому есть все основания поддержать позицию Н. Л. Першина в части признания синонимичности феноменов публичной власти, государственной власти и муниципальной власти [6, с. 342]. При этом считаем важным подчеркнуть, последнее понятие совпадает с первыми двумя лишь отчасти, будучи частным случаем.

Представленная позиция, с нашей точки зрения, представляется наиболее оправданной. Она находит подтверждение в и отдельных положениях Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] (Закон № 131-ФЗ), в частности, в ч. 1 ст. 1, признающей за местным самоуправлением статус одной из основ российского конституционного строя. Изложенное дает все основания для рассмотрения местного самоуправления в качестве конституционного института публичной власти. И, учитывая его наличие в пределах всей территории страны, вряд ли можно сомневаться в его негосударственной природе.

Безусловно, местное самоуправление можно было бы считать негосударственным институтом, если бы оно функционировало отдельно от институтов государственной власти. Однако оно функционирует в тесном взаимодействии с ними, что реализуется и при формировании соответствующих органов, и при реализации ими их полномочий.

Специфика местного самоуправления достаточно точно выражена в ч. 2 ст. 1 Закон № 131-ФЗ, где оно закреплено в качестве формы осуществления народом собственной власти, обеспечивающей решение вопросов местного значения населением непосредственно и (или) через соответствующие органы. Основываясь на данной норме, можно полагать, что местное самоуправление выступает формой реализации публичной власти на нижнем уровне государственного управления, именуемом местным. Причем на этом уровне управления существуют те же правила, те же закономерности, те же механизмы замещения соответствующих должностей и формирования органов, что и,

например, на уровне органов государственной власти субъектов или на федеральном уровне государственной власти.

Здесь невозможно не обратить внимание на некоторые конституционные нормы, исходя из смысла которых становятся очевидны сходства органов местного самоуправления и государственной власти. Например, определенная общность указанных властных структур очевидно в ч. 2 ст. 24 Конституции РФ в части обязанностей «обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

В то же время об особой значимости и специфичности местного самоуправления свидетельствует группирование норм о нем в специальной главе Конституции РФ. Поэтому было бы необоснованным полагать отделенность государственной власти от местного самоуправления. Думается, что это является дополнительным подтверждением принадлежности местного самоуправления к числу конституционных институтов власти.

Некоторые конституционные положения ещё больше убеждают нас в том, что местное самоуправление является есть не только институт конституционно-правовой природы публичной власти, но и институт государственной власти, несмотря на формальную обособленность от триединой системы органов государственной власти. Например, ч. 2. Ст. 132 Конституции РФ допускает наделение муниципальных органов отдельными государственными полномочиями. И в этой связи даже признаваемые фактически не относящимся к категории органов государственной власти органы местного самоуправления выполняют определённые функции государства.

Более того, само содержание ст.ст. 131–132 Конституции РФ свидетельствует о том, что порядок формирования органов местного самоуправления практически ничем не отличаются от порядка формирования органов государственной власти, как не особо отличаются и функции. Отличия

состоят лишь в уровне, на которых реализуются те или иные публичные функции, а не в их существовании.

Специфика рассматриваемого института проявляется также в его формах, определенных в главе 5 Закона № 131-ФЗ. Данная глава предусматривает 14 форм, в том числе местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан, собрание граждан и т. д. Причём спектр форм не является ограниченным. И говоря об указанных формах, можно полагать, что, например, сход или собрание граждан вполне обоснованно могут быть рассмотрены вне контекста государственной власти. Однако если говорить о местном референдуме или муниципальных выборах, то совершенно точно прослеживается параллель с органами государственной власти. В этой связи лишь отдельные формы местного самоуправления считаем возможным не рассматривать в качестве форм осуществления государственной власти.

Думается, что изложенное определяет существенную специфику местного самоуправления. И именно поэтому оно характеризуется как уникальный общественный феномен, отличный как от институтов государственной власти, так и от институтов гражданского общества [8, с. 274].

Надо сказать, что в литературе нередко поднимается вопрос автономии местного самоуправления. Причём отмечается, что такой автономии препятствует само законодательство [8, с. 279]. В этой связи крайне трудно назвать местное самоуправление формой самоорганизации граждан в полном смысле этого слова, как это пытается сделать, например, доктор юридических наук Р. М. Усманова [7]. Думается, что о самоорганизации речь может идти лишь на лишь в контексте отдельных форм местного самоуправления, в частности, схода граждан или собрания. Если же говорить, например, о референдуме или муниципальных выборах, то здесь вряд ли можно усмотреть самоорганизацию.

Учитывая изложенное, местное самоуправление можно по-разному рассматривать. Но в любом случае нельзя игнорировать тот факт, что местное самоуправление, согласно Конституции РФ, есть важнейшая основа

конституционного строя и демократический институт, без которого немислимо любое развитое правовое, демократическое государство [3, с. 15]. В этом смысле местное самоуправление играет важнейшую роль, однако точного понимания его места в системе власти пока нет.

Однако нам весьма близка идея местного самоуправления как своеобразного посредника между государством и населением [3, с. 18].

Заключение

Принадлежность к единой системе публичной власти и урегулированность нормами Конституции РФ позволяет рассматривать местное самоуправление в числе конституционных институтов, в числе институтов управления государством, но применительно к нижнему уровню управления (городскому, районному).

Не представляется возможным характеризовать местное самоуправление как негосударственный институт хотя бы потому, что, во-первых, что оно в его рамках осуществляется тесное взаимодействие муниципальных органов с органами государственной власти; во-вторых, органы местного самоуправления формируются в целом на тех же принципах, что и органы государственной власти; функции органов местного самоуправления в целом аналогичны функциям органов государственной власти.

Отдельные формы осуществления местного самоуправления, например, сход или собрание граждан, можно расценивать как формы или способы самоорганизации граждан, отдельные от государственной власти. Однако муниципальный референдум или муниципальные выборы в целом ничем не отличаются от референдумов или выборов, проводимых на региональном или федеральном уровнях государственной власти.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 4 июля.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации. 16 сен. 2003 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сен. 2003 г. (с изм. от 4 авг. 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6181.
3. Казанцева О. Л. Оглы Мамедов Р. Ю. Местное самоуправление в России: есть ли право на будущее? // Алтайский юридический вестник. 2020. № 2(30). С. 14–19.
4. Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 192–203.
5. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 97–107.
6. Современные проблемы организации публичной власти : коллективная монография / рук. авт. кол. и отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. 596 с.
7. Усманова Р. М. Место органов местного самоуправления в системе публичной власти в свете конституционных поправок // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2(88). С. 35–41.
8. Чихладзе Л. Т., Ларичев А. А. Местное самоуправление в России на распутье: динамика конституционной доктрины и правового регулирования Ларичев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 2. С. 273–292.
9. Щепачев В. А. Республиканский путь развития России в дальнейшем невозможен без сильного местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4. С. 46–52.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 4 iyul.
2. Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 6 okt. 2003 g. № 131-FZ : prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii. 16 sen. 2003 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 sen. 2003 g. (s izm. ot 4 avg. 2023 g.) // Sobr. zakonodatel`stva Ros. Federacii. 2003. № 40. St. 3822; 2023. № 32 (ch. I). St. 6181.
3. Kazanceva O. L. Ogly` Mamedov R. Yu. Mestnoe samoupravlenie v Rossii: est` li pravo na budushhee? // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 2(30). S. 14–19.
4. Kobzar`-Frolova M. N. Sistema organov publichnoj vlasti Rossijskoj Federacii: ponyatie, xarakterny`e priznaki, vzaimodejstvie // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. T. 18, № 2. S. 192–203.
5. Ledyayev V. G. Vlast`: konceptual`ny`j analiz // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2000. № 1. S. 97–107.
6. Sovremenny`e problemy` organizacii publichnoj vlasti : kollektivnaya monografiya / ruk. avt. kol. i otv. red. S. A. Avak`yan. M.: Yusticinform, 2014. 596 s.
7. Usmanova R. M. Mesto organov mestnogo samoupravleniya v sisteme publichnoj vlasti v svete konstitucionny`x popravok // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2(88). S. 35–41.
8. Chixladze L. T., Larichev A. A. Mestnoe samoupravlenie v Rossii na rasput`e: dinamika konstitucionnoj doktriny` i pravovogo regulirovaniya Larichev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2020. T. 11, № 2. S. 273–292.
9. Shhepachev V. A. Respublikanskij put` razvitiya Rossii v dal`nejšem nevozmozhen bez sil`nogo mestnogo samoupravleniya // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2018. № 4. S. 46–52.

Научная статья

УДК 342.3:342.51

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

**Себастьян Джон, Ph.D., доцент, Глобальный университет OP Jindal,
Сонипат, Харьяна, Индия, jsebastianin@bk.ru**

Аннотация

В статье анализируется роль Президента РФ как одного из важнейших демократических институтов современного общества и государства. Дана общая характеристика триединой системы разделения властей, обозначенной в ст. 10 Конституции РФ, где Президент никоим образом не выделен; представлен обзор содержания некоторых норм Конституции, отражающих президентские полномочия, в том числе в контексте законодательной, исполнительной, судебной власти. Особо отмечено появление в 2020 г. в результате конституционной реформы понятия «единая система публичной власти», из чего сделан вывод о вхождении Президента в данную систему как центрального звена, а также о более широком понимании данной системы в сравнении с триединой системой разделения властей. Особо в статье подчеркнута распространение президентских полномочий на каждую из ветвей власти и, вместе с тем, выход полномочий Президента далеко за пределы триединой системы разделения властей. На основе норм анализа норм Конституции отмечена объединяющая, уравнивающая, согласующая роль Президента. Высказано авторское мнение о недооценке российским законодателем роли президента в ч. 4 ст. 81 Конституции РФ ввиду установление федерального закона как источника регулирования порядка избрания президента. Автором в этой связи высказано мнение о целесообразности регулирования вопросов президентских выборов федеральным конституционным законом.

Ключевые слова: власть, глава государства, демократия, Конституция РФ, президент, полупрезидентская республика, президентская республика, разделение властей

Статья поступила в редакцию 07.04.2025, одобрена после рецензирования 19.05.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS

John Sebastian, Ph.D., Associate Professor, OP Jindal Global University, Sonipat, Haryana, India

Abstract

The article analyzes the role of the President of the Russian Federation as one of the most important democratic institutions of modern society and the state. A general description is given of the triune system of separation of powers outlined in Article 10 of the Constitution of the Russian Federation, where the President is in no way singled out; an overview is provided of the content of some constitutional norms reflecting presidential powers, including in the context of legislative, executive, and judicial power. The appearance in 2020 was particularly noted. as a result of the constitutional reform of the concept of a "unified system of public power", it is concluded that the President enters this system as a central link, as well as a broader understanding of this system in comparison with the triune system of separation of powers. The article emphasizes the extension of presidential powers to each of the branches of government and, at the same time, the President's powers go far beyond the triune system of separation of powers. Based on the norms of the analysis of the norms of the Constitution, the unifying, balancing, and coordinating role of the President is noted. The author's opinion is expressed that the Russian legislator underestimates the role of

the president in Part 4 of Article 81 of the Constitution of the Russian Federation due to the establishment of federal law as a source of regulation of the procedure for electing the president. In this regard, the author expressed an opinion on the expediency of regulating the issues of presidential elections by a federal constitutional law.

Keywords: power, head of state, democracy, Constitution of the Russian Federation, president, semi-presidential republic, presidential republic, separation of powers

Введение

Руководствуясь нормами Конституции РФ [1], в первоочередном порядке важно подчеркнуть зафиксированный в ст. 10 принцип разделения государственной власти на:

- законодательную;
- исполнительную;
- судебную.

Отсюда возникает закономерный вопрос о месте Президента РФ во власти, традиционно именуемой в юридической науке системой разделения властей. Решение данного вопроса важно и с теоретической, и с практической точки зрения, ведь анализ полномочий главы государства, ответственности и прочих аспектов его участия в управлении страной во многом разрешается именно с оглядкой на указанный принцип. Это обосновывает внимание к проблематике места Президента РФ в системе разделения властей.

Отсюда и цель исследования – на основе анализа конституционных норм и доктринальных источников уточнить место Президента РФ в системе разделения властей.

Основная часть

Приступая к основной части исследования, нельзя не обратиться ещё раз к ст. 10 Конституции РФ, из содержания которой остаётся не совсем ясной позиция Главы государства в установившейся в России системе разделения властей, ведь в ней он не упоминается. Вместе с тем другие нормы Конституции,

в частности, представленные в гл. 4, отражают особо значимую роль Президента как главы государства.

Исходя из ст. 80 Конституции РФ, Президент является:

- гарантом Конституции;
- гарантом прав и свобод человека и гражданина;
- лицом, охраняющим суверенитет, независимость и государственную целостность страны;
- лицом, поддерживающим гражданский мир и согласие в государстве;
- лицом, обеспечивающим согласованное функционирование и взаимодействие органов единой системы публичной власти;
- лицом, определяющим основные направления государственной политики, причем как внутренней, так и внешней;
- представителем Российской Федерации внутри страны и в международных отношениях.

Думается, что представленные положения, закреплённые в ст. 80, наиболее обобщенно отражают роль Президента в управлении Российским государством. Однако они не дают многих ответов на принципиально значимые вопросы.

Тем не менее, употребление формулировки «единая система публичной власти» в контексте деятельности Президента РФ в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ даёт основание совершенно уверенно утверждать, что Глава государства – неотъемлемое звено в данной системе. А что касается органов законодательной, исполнительной, судебной власти, то они тоже в данную систему входят. При этом система разделения властей представляется более узким понятием в сравнении с понятием единой системы публичной власти. И если три ветви власти разъединены, то Президент в некотором смысле их объединяет, в связи с чем разделение власти становится в некоторой степени условным и позволяет функционировать её звеньям совместно, согласованно, эффективно.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что изначально и на протяжении многих лет Конституция РФ не содержала понятия ее единой системы публичной

власти, в связи с чем роль Президента в системе разделения властей была еще более неопределенной. В результате конституционной реформы в 2020 г., включавшей, в том числе, внесение изменений в ч. 2 ст. 80 с данной формулировкой, роль главы государства определенно конкретизировалась. Тем не менее, некоторые вопросы остались, в том числе и теоретического характера.

В контексте изложенного представляется важным отметить некоторые ключевые полномочия Президента РФ в рамках функционирования каждой из ветвей власти. Так, в рамках исполнительной власти Президент:

- назначает председателя Правительства РФ;
- выполняет функции общего руководства Правительством;
- решает вопрос отставки Правительства;
- участвует в назначении Председателя Банка России;
- утверждает военную доктрину (ст. 83 Конституции РФ).

В области функционирования законодательной власти Президент РФ:

- назначает выборы депутатов Государственной Думы;
- распускает Государственную Думу;
- вносит законопроекты на рассмотрение;
- назначает референдум;
- подписывает и обнародует законы;
- обращается к федеральному собранию с посланием, формулируя в нём основные направления внутренней и внешней политики (ст. 84 Конституции РФ).

В осуществлении правосудия Президент непосредственно не задействован, за исключением случая, когда он реализует право помилования, в соответствии со ст. 89 Конституции РФ, однако именно он представляет кандидатуры для назначения на высшие судебские должности, согласно п «е» ст. 83 Конституции РФ, что отражает его немаловажную роль в работе данной ветви власти. Особенно это полномочия значимы в контексте формирования Конституционного Суда РФ, могущего практически любой законодательный акт

при наличии определённых оснований признать противоречащим Основному Закону страны, а значит и не подлежащим применению.

Нельзя не признать, что полномочия Президента определённо выходят за рамки всех трех ветвей власти. В частности, п «е.1» ст. 83 Конституции РФ наделяет его полномочием назначать и освобождать от должности Генерального прокурора. Таким образом, и в решении вопросов прокурорского надзора в некоторой степени Президент тоже оказывается задействованным.

Особо важно обратить внимание на ч. 1 ст. 85 Конституции РФ, позволяющей Президенту использовать согласительные процедуры в целях урегулирования разногласий между органами государственной власти, причём возникающими на разных уровнях. *В этом смысле президентские полномочия распространяется на каждую из ветвей власти и в целом далеко выходят за рамки триединой системы разделения властей, что отражает особое место главы государства в системе разделения властей и в целом в единой системе публичной власти.*

Указанная норма даёт основание С. Н. Матросову и А. Г. Петрову характеризовать Президента как верховного арбитра, благодаря деятельности которого в системе власти обеспечивается равновесие, причём такое равновесие значимо не только для функционирования самой власти, но и для общества в целом [7, с. 153].

С точки зрения анализа полномочий Президента и оценки его роли в системе разделения властей интерес представляют отмечаемые, в частности, В. В. Комаровой [6, с. 30] скрытые полномочия, которые реализуются, главным образом, в рамках поручений Президента. Этот вид нормативно правовых актов предусмотрен в ст. 113 Конституции РФ с 2020 г.

Значимость данного нормативного акта и полномочий по его изданию во многом обуславливается тем, что широкий спектр вопросов государственного управления решается именно в результате дачи Президентом поручений и их выполнения соответствующими органами. Причём нередко речь ведётся о

вопросах, требующих законодательного решения. Это означает отражает ещё более широкие полномочия Президента в части решения законодательных проблем в развитии государства.

Анализируя роль Президента в системе разделения властей на настоящий момент нельзя отметить динамику этой роли. На протяжении более чем 20 лет значимых изменений в этой части не было, однако сначала в 2014 г., а далее в 2020 г. в Конституцию РФ был внесён ряд существенных преобразований, в результате чего стало уместным говорить о появлении новых ролей и расширении функций Президента. На это указывается, в частности, в работе доктора юридически наук О. И. Зазнаева [5, с. 20].

Среди наиболее значимых изменений можно отметить расширение полномочий президента в сфере деятельности органов исполнительной власти. Согласно ст. 110 Конституции РФ, глава государства включается в состав Правительства РФ и осуществляет руководство им, на основе чего С. Н. Матросов и А. Г. Петров делают вывод о состоявшемся переходе России к президентской форме правления [7, с. 153]. Изложенное даёт основания для именовании России именно президентской республикой, хотя ранее вопрос о характере республики был остро дискуссионным ввиду столкновения мнений сторонников концепции президентской и полупрезидентской республик.

Такого же мнения придерживаются многие другие авторы, отмечающие доминирующее положение Президента в системе исполнительной власти, его роль как организатора и фактического руководителя [2, с. 43; 4, с. 44].

Можно согласиться с мнением О. И. Зазнаева о том, что в России Президент занимает доминирующее положение в рамках треугольника «президент – правительство – парламент» [5, с. 20]. Иными словами, именно Президент определяет значимые направление деятельности обеих властных структур.

Можно согласиться с мнением указанного автора и в том, что в целом тенденция к расширению президентских полномочий, имеющая место в России, соответствует мировым тенденциям, поскольку к укреплению собственной

власти стремятся не только руководители автократических государств, но и главы демократических стран [5, с. 20]. В этой связи даже возник термин А. Шлезингера-мл. «имперское президентство» [8, с. 399]. Примечательно, что для таких случаев весьма присущ и неформальный характер власти главы государства [5, с. 20].

Очень чётко и ёмко описал место Президента РФ в системе публичной власти В. В. Гончаров, назвав его стержневой основой централизации системы власти [3, с. 93]. Здесь главным нюансом является именно стержневой характер президентской власти, то есть в некотором смысле Президент – это та фигура, вокруг которой объединяются все действующие в стране властные структуры, в том числе и на основании Конституции признаваемые самостоятельными. Именно благодаря фигуре Президента они направляют усилия в целом на достижение общих целей, несмотря на потенциальную возможность возникновения противоречий.

Некоторые вопросы вызывает ч. 4 ст. 81 Конституции РФ, согласно которому нюансы избрания главы государства регламентируются федеральным законом. В рамках настоящего исследования соответствующий федеральный закон не представляется целесообразным анализировать, однако в контексте данной нормы позволим себе отметить недооценку законодателем значимости выборов главы государства. *Думается, что было бы более целесообразно урегулировать вопрос избрания Президента федеральным конституционным законом.*

Заключение

Современное Российское государство, система власти которого функционирует на основе Конституции, претерпевшей существенные изменения в 2020 г., можно обоснованно считать президентской республикой, особенно с учётом руководящей роли Президента Правительстве. Тем не менее, Президента нельзя отнести исключительно к исполнительной власти, поскольку он располагает широкими полномочиями также в рамках законодательной и

судебной власти. Более того, определённые полномочия у Президента имеются и в части формирования руководства Прокуратуры как надзорного органа.

Изложенное означает, что фактические полномочия Президента выходят далеко за рамки традиционной триединой системы разделения властей, и это даёт основание полагать, что наряду с традиционно выделяемыми законодательной, исполнительной и судебной властью, существует президентская, по крайней мере, де-факто, объединяющая в себе некоторые начала, присущие каждой из трех указанных ветвей власти.

В итоге роль Президента РФ видится в обеспечении общенаправленной, согласованной, взаимоуравновешивающей деятельности всех властных структур, круг которых не ограничивается законодательной, исполнительной, судебной властью, а включает и иные упоминаемые в Основном Законе страны органы, в том числе, Прокуратуру.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июл. 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 26 дек.; 2020. 4 июл.
2. Абаева Е. А. Деятельность Президента Российской Федерации по руководству Правительством Российской Федерации и иными федеральными органами исполнительной власти: конституционно-правовой аспект // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. № 4(16). С. 37–44.
3. Гончаров В. В. О месте и роли Президента Российской Федерации в системе органов государственной власти // Аграрное и земельное право. 2021. № 2(194). С. 90–94.
4. Дзидзоев Р. М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 5. С. 43–54.

5. Зазнаев О. И. Институт президентства в условиях политической турбулентности: общемировые тенденции // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2(43). С. 19–25.
6. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8(117). С. 22–31.
7. Матросов С. Н., Петров А. Г. Президент Российской Федерации в системе разделения властей // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4(46). С. 151–154.
8. Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «ПрогрессАкадемия», 1992. 688 с.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobr. v xode obshheros. golosovaniya 1 iyul. 2020 g.) // Ros. gaz. 1993. 26 dek.; 2020. 4 iyul.
2. Abaeva E. A. Deyatel`nost` Prezidenta Rossijskoj Federacii po rukovodstvu Pravitel`stvom Rossijskoj Federacii i iny`mi federal`ny`mi organami ispolnitel`noj vlasti: konstitucionno-pravovoj aspekt // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 4(16). S. 37–44.
3. Goncharov V. V. O meste i roli Prezidenta Rossijskoj Federacii v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2021. № 2(194). S. 90–94.
4. Dzidzoev R. M. Prezident Rossijskoj Federacii i Pravitel`stvo Rossijskoj Federacii: novy`e grani vzaimootnoshenij // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. Т. 25, № 5. S. 43–54.
5. Zaznaev O. I. Institut prezidentstva v usloviyax politicheskoy turbulentnosti: obshhemirovy`e tendencii // Kazanskij social`no-gumanitarny`j vestnik. 2020. № 2(43). S. 19–25.

6. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15, № 8(117). С. 22–31.
7. Matrosov S. N., Petrov A. G. Президент Российской Федерации в системе разделения властей // *Вестник Российского университета кооперации*. 2021. № 4(46). С. 151–154.
8. Шлезингер-младший А. М. *Циклы американской истории*. М.: Издательская группа «Progress», «ProgressAkademiya», 1992. 688 с.

5.1.5. Международно-правовые науки

Научная статья

УДК 341.4

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

**Пилипенко Александр Анатольевич, к.ю.н., доцент кафедры
государственного управления юридического факультета,
apilipenko_state@outlook.com**

Аннотация

В современном мире проблема противодействия преступности. Фактически выходит за рамки государственных границ и приобретает глобальный характер. В этих условиях международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью становится объективной необходимостью. Оно реализуется системой органов, которые рассмотрены в статье и включают органы ООН, Интерпол и региональные международные организации. На национальном уровне особую роль играет прокуратура в системе правоохранительных органов, участвующих в противодействии преступности и международном сотрудничестве, наделенная для этого широкими полномочиями. Среди основных международных документов выделяется и анализируется Киотская декларация, в которой определяются основные приоритеты в сфере международного сотрудничества по борьбе с преступностью; отмечается проблема противодействия киберпреступности, в том числе в сфере, связанной с криминальным оборотом криптовалют. Однако осуществление эффективного сотрудничества осложняется сложившейся геополитической обстановкой и не вполне конструктивными отношениями между Россией и странами Запада, что вкупе с несовершенством национального и международного права порождает массу трудностей. В результате автор признает имеющиеся достижения в сфере международного сотрудничества по борьбе с преступностью и подчёркивает

особую значимость разработки единых стандартов, на основе которых должна вестись борьба с преступностью.

Ключевые слова: глобализация, борьба с преступностью, Киотская декларация, международная преступность, международное право, международное сотрудничество, прокуратура, противодействие преступности

Статья поступила в редакцию 20.04.2025, одобрена после рецензирования 12.05.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

LAW AS A FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY

Pilipenko Alexander Anatolyevich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Public Administration of the Law Faculty

Abstract

In the modern world, the problem of countering crime. In fact, it goes beyond state borders and acquires a global character. In these circumstances, international cooperation in the field of combating crime is becoming an objective necessity. It is implemented by a system of bodies that are discussed in the article and include UN bodies, Interpol and regional international organizations. At the national level, the Prosecutor's Office plays a special role in the system of law enforcement agencies involved in combating crime and international cooperation, with broad powers for this purpose. Among the main international documents, the Kyoto Declaration stands out and analyzes, which defines the main priorities in the field of international cooperation in combating crime; the problem of countering cybercrime, including in the field related to the criminal trafficking of cryptocurrencies, is noted. However, effective cooperation is complicated by the current geopolitical situation and not entirely constructive relations between Russia and Western countries, which, coupled with the

imperfection of national and international law, creates a lot of difficulties. As a result, the author recognizes the existing achievements in the field of international cooperation in combating crime and emphasizes the special importance of developing common standards on the basis of which the fight against crime should be conducted.

Keywords: globalization, fight against crime, Kyoto Declaration, international crime, international law, international cooperation, prosecutor's office, crime prevention

Введение

Современные общество и государство развиваются в условия глобализации, чем предопределяются и особые вызовы, с которыми приходится им сталкиваться. Многие из этих вызовов затрагивают практику борьбы с преступностью. И в этих реалиях эффективное противодействие преступности оказывается уже невозможным без тесного международного сотрудничества, причём не только в рамках двусторонних или трехсторонних отношений, но и в рамках глобальных международных отношений. Поэтому проблематика международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью находится в числе самых актуальных.

Однако ситуация такова, что эффективного сотрудничества в данной области добиться крайне проблематично, так как и на двусторонние, и на многосторонние отношения накладывают отпечаток другие аспекты международной жизни – правовые, политические, экономические. А с 2022 года проблематика международного противодействия преступности оказалось ещё более сложной в связи с существенным ухудшением отношений между Российской Федерацией и странами запада, что тоже определяет необходимость анализа имеющейся в настоящее время ситуации в области международного сотрудничества по борьбе с преступностью и переосмысление её переосмысление с учётом произошедших в последнее время изменений. На решение этих задач направлена данная статья.

Основная часть

Международное сотрудничество, нацеленные на противодействие преступности, в целом носит системный характер и реализуется на трех основных:

- 1) на уровне ООН;
- 2) на уровне Интерпола;
- 3) на уровне региональных международных организаций [9, с. 263-264]

Безусловно, значимость каждого из этих уровней сложно переоценить. Однако взаимодействие в рамках ООН стоит выделить особо, поскольку оно носит глобальный характер, и именно ООН является наиболее крупной международной организацией, имеющей наиболее давнюю историю и сложившийся авторитет. Противодействие преступности рассматривается в числе важнейших приоритетов в работе ООН, для чего в ее структуре создано несколько специальных органов, в частности, Совет Безопасности и Контртеррористический комитет. И взаимодействие с ООН в рамках противодействия преступности осуществляется на уровне правительств и министерств иностранных дел государств.

Интерпола (Международной организации уголовной полиции) тоже является одно из крупнейших международных организаций, призванных обеспечивать противодействие преступности. Соответственно, взаимодействие в рамках данной организации осуществляется при участии органов полиции. В России соответствующие функции возложены на МВД России (в лице Национального центрального бюро Интерпола МВД России), а также Росфинмониторинг.

Что касается сотрудничества в рамках региональных организаций, то оно развивается, например, в рамках СНГ, БРИКС, ШОС, ОДКБ и др., и тоже способствует противодействию преступности на международном уровне, хотя и в меньших масштабах.

Если рассматривать международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью в контексте России, то основным органом, принимающим участие в таком сотрудничестве, выступает Прокуратура. Это вполне соответствует сложившейся в мире практике, где именно органы прокуратуры чаще всего обеспечивают международное сотрудничество в данной сфере. При этом само взаимодействие, как пишут Е. В. Серeda и С. А. Иванов, реализуется в основном по двум базовым направлениям:

- 1) международно-правовому сотрудничеству;
- 2) оказанию правовой помощи [7, с 158].

В данном случае сотрудничество, рассматриваемое как одно из направлений международного взаимодействия Прокуратуры, носит именно двусторонний характер, то есть предполагает двустороннюю активную деятельность. Оказание же правовой помощи в значительной мере отражает односторонний характер деятельности. Хотя, если абстрагироваться от этих нюансов, то будет очевидно, что и международно-правовое сотрудничество, и оказание помощи являются двусторонними взаимодействиями, так как даже в случае оказания помощи вторая сторона, принимающая эту помощь и рассматриваемая в пассивной позиции, как минимум, должна предпринять определённые меры для получения и использования этой помощи. Поэтому выделение указанных двух направлений в известной мере является условным. Но в целом основания для выделения таких направлений имеются, ведь если в первом случае можно говорить о наличии некой общей цели, для достижения которой стороны сотрудничают, то во втором случае помогающая сторона в первую очередь реализует не свою цель, а цель другого государства, в пользу которого оно действует, которому оно оказывает поддержку и правовую помощь.

Если обратиться к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» [2] (далее – Закон о прокуратуре), то в ведущей роли данного органа в деле противодействия преступности не придется усомниться: ст. 1 указанного Закона именно на прокуратуру возлагает функции координации деятельности

правоохранительных органов по борьбе с преступностью, что, учитывая ее надзорные функции, представляет оправданным.

Ст. 2 указанного Закона наделяет Генеральную прокуратуру РФ, как высшее звено органов прокуратуры, следующими полномочиями в сфере международного сотрудничества:

- 1) осуществлять прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями;
- 2) сотрудничать с указанными органами и организациями;
- 3) заключать соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью;
- 4) принимать участие в разработке международных договоров Российской Федерации.

Таким образом, система органов, осуществляющих борьбу с преступностью, достаточно широка и находится на достаточно высоком уровне развития, что, однако, не вполне точно отражает сложившуюся ситуацию в части противодействия преступности, которая в значительной мере обуславливается несовершенством как национального, так и международного права, обеспечивающего противодействие международной преступности.

Безусловно, на международном уровне вопросы взаимодействия государств и их органов регулируется множеством нормативных документов, которые вряд ли в рамках данного исследования можно затронуть. Однако среди них можно выделить особо принятую в 2021 г. Киотскую декларацию «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1], в которой раскрывается ряд ключевых вопросов международного сотрудничества, связанно с противодействием преступности.

В общей сложности указанная Декларация содержит 97 пунктов, большинство из которых не имеет существенного правового значения. Однако

есть и те, которые заслуживают внимания. Так, в Декларации подчеркивается необходимость устранения причин преступности, в особенности коренных причин; важность предупреждения преступности на фактической основе; потребность в разработке стратегии предупреждения преступности; важность развития системы уголовного правосудия, в том числе защиты прав потерпевших, свидетелей и информаторов, совершенствование процедур уголовных расследований. Выделяются вопросы содействия международному сотрудничеству и технической помощи в предупреждении всех форм преступности. Уделяется повышенное внимание проблематике противодействия терроризму и использования преступных доходов. В п. 96 Декларации формулируется призыва к Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию «принять необходимые стратегические и оперативные меры для выполнения положений настоящей декларации...».

Однако положения указанного документа весьма расплывчаты, в том числе и касательно сроков реализации соответствующих идей. Но не приходится сомневаться в том, что отмеченная в Декларации необходимость объединения усилий разных стран и лишение субъектов международной преступности возможностей использовать имеющиеся у них денежные средства должна рассматриваться как одна из ключевых задач. Но в сегодняшних реалиях не представляется возможным говорить реализуемости данной задачи хотя бы по той причине, что между странами имеют имеются существенные политические и финансово-экономические разногласия, не связанные напрямую с противодействием преступности. Кроме того, широко практикуются различные средства экономического давления, в связи с чем совместные усилия, которые бы позволили эффективно бороться с преступностью, реализовывать крайне проблематично.

Надо сказать, что во многом проблематика международного взаимодействия в деле борьбы с преступностью продиктована современными тенденциями интернационализации преступности [3, с. 22], в результате чего

«международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью выступает в качестве объективной необходимости» [8, с. 167]. Однако такие потребности часто не вполне адекватно оцениваются разными странами, в результате чего многие страны не подходят системно к решению этой проблемы

«Вместе с тем необходимо иметь в виду, что сегодня новые проявления транснациональной организованной преступности не везде еще адекватно воспринимаются и комплексно не рассматриваются. При этом в деле борьбы с международной преступностью, а значит, и в деле международного сотрудничества в этой сфере «усилия ряда государств вызывают сомнения» [5, с. 366].

Особенно важно подчеркнуть проблематику противодействия на международном уровне киберпреступности. В этом направлении деятельность осложняется несовершенством нормативно-правовой базы, которая не вполне соответствует актуальным потребностям и во многом характеризуется разрозненностью и фрагментарностью правового регулирования, в том числе и в части регулирования обращения криптовалют, которые все активнее вовлекаются в криминальный оборот [6, с. 178].

В литературе отмечается особая роль международно-правовых стандартов противодействия преступности [4]. Однако такие стандарты в значительной мере носят декларативный характер и, даже если разными государствами соблюдаются, то не одинаково. Но именно вопрос разработки, их единообразного понимания и применения должен рассматриваться как приоритетное направление совершенствования практики противодействия преступности на международном уровне и сотрудничества в этой области.

Заключение

Международное сотрудничество в деле борьбы с преступностью реализуется, главным образом, на уровне ООН, Интерпола и на уровне региональных международных организаций И, признавая определённые достижения такого сотрудничества, нельзя не отметить некоторые проблемы, в

частности, недостаточную активность сотрудничества, наличие разного рода политических и финансово-экономических разногласий, осложняющих практику международного взаимодействия, несовершенство как национального, так и международного права, что затрудняет решение формальных юридических вопросов в деле противодействия преступности на международном уровне.

В целях дальнейших так в целях дальнейшего совершенствования сотрудничества в этой сфере представляется важным разработать единые стандарты противодействие преступности, которые бы исключили возможности для финансового обеспечения преступности, в том числе и в рамках киберпространства, где пока ещё сохраняются возможности для криминального оборота традиционные валют и криптовалют. Ведущую роль в этой работе должны сыграть ООН и Интерпол, усилия, которых важно объединить.

Список литературы

1. Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : Киотская декларация : принята на Четырнадцатом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в Киото (Япония) 7–12 мар. 2021 г. // Официальный портал ООН. Режим доступа: <https://www.unodc.org/> (дата обращения: 30.03.2025).
2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : принят Верховным Советом Рос. Федерации (с изм. и доп. от 11 июн. 2022 г.) // Рос. газ. – 1992. – 18 фев.; 2022. – 15 июн.
3. Бочарникова Л. Н., Шинкарев В. Д. Международное взаимодействие Российской Федерации с иностранными государствами в сфере борьбы с преступностью // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 21–25.

4. Иващук В. К. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью - среда формирования международно-правовых стандартов // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2(42). С. 127–131.
5. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Стратегия ООН в борьбе с транснациональной организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 2. С. 358–368.
6. Пороховой Э. Ю. Некоторые аспекты международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2(14). С. 173–179.
7. Середа Е. В., Иванов С. А. Проблемы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью // Теория государства и права. 2018. № 4. С. 157–160.
8. Третьяков И. Л. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью как объективная необходимость // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12. С. 162–175.
9. Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Международное сотрудничество в сфере противодействия преступности на современном этапе // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5, № 2(10). С. 260–268.

References

1. Aktivizaciya mer preduprezhdeniya prestupnosti, ugovnogo pravosudiya i obespecheniya verhovenstva prava: navstrechu osushhestvleniyu povestki dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda : Kiotskaya deklaraciya : prinyata na Chety`rnadczatom Kongresse OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugovnomu pravosudiyu v Kioto (Yaponiya) 7–12 mar. 2021 g. // Oficial`ny`j portal OON. Rezhim dostupa: <https://www.unodc.org/> (data obrashheniya: 30.03.2025).

2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : принят Верховным Советом Рос. Федерации (с изм. и доп. от 11 июня 2022 г.) // Рос. газ. – 1992. – 18 фев.; 2022. – 15 июня.
 3. Боcharnikova L. N., Shinkarev V. D. Mezhdunarodnoe vzaimodejstvie Rossijskoj Federacii s inostranny`mi gosudarstvami v sfere bor`by` s prestupnost`yu // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2. S. 21–25.
 4. Ivashhuk V. K. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor`be s prestupnost`yu - sreda formirovaniya mezhdunarodno-pravovy`x standartov // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2(42). S. 127–131.
 5. Nigmatullin R. V., Sulejmanova R. R. Strategiya OON v bor`be s transnacional`noj organizovannoj prestupnost`yu // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2016. T. 10, № 2. S. 358–368.
 6. Poroxovoj E`. Yu. Nekotory`e aspekty` mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor`be s transnacional`noj prestupnost`yu // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 2(14). S. 173–179.
 7. Sereda E. V., Ivanov S. A. Problemy` mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere bor`by` s prestupnost`yu // Teoriya gosudarstva i prava. 2018. № 4. S. 157–160.
 8. Tret`yakov I. L. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor`be s transnacional`noj prestupnost`yu kak ob`ektivnaya neobxodimost` // Pravovoe pole sovremennoj e`konomiki. 2015. № 12. S. 162–175.
- Shalagin A. E., Grebenkin M. Yu. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere protivodejstviya prestupnosti na sovremennom e`tape // Ucheny`e zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 5, № 2(10). S. 260–268.

Научная статья

УДК 341.1

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

**Оуян Цзе, PhD, преподаватель частного и нотариального права,
Гронингенский университет, Гронинген, Нидерланды,
jieouyangnl@outlook.com**

Аннотация

Современные реалии, характеризующиеся глобализацией и обострением международных отношений между Западом и Востоком, представленными прежде всего Россией и Соединенными Штатами, требуют пересмотра внешней политики в направлении более тесного сотрудничества с традиционными для России партнёрами постсоветского пространства. И так как на данный момент ЕАЭС является той организацией, в которой представлены наиболее дружественные и близкие для России государства, основные усилия в области международного экономического сотрудничества следует сосредоточить именно на ней. Но вопрос, касающийся перспектив данной организации, остаётся крайне неоднозначным. Договор о ЕЭС и другие документы, составляющие право данной организации, с одной стороны, создают достаточно прочную основу для дальнейших интеграционных процессов в части развития права в пределах всего пространства ЕАЭС. Однако есть немало проблем, присущих праву ЕАЭС, ввиду которых перспективы этой организации оказываются под вопросом. В числе таких проблем автор отмечает декларативный характер норм Договора о ЕАЭС, а также анализируемые в литературе проблеме бессистемности и неуправляемости развития права ЕАЭС. В итоге автором делается вывод о необходимости создания правовой основы для развития всех ключевых отраслей законодательства в целях формирования единого правового пространства в пределах ЕАЭС.

Ключевые слова: государственный суверенитет, ЕАЭС, международное право, перспективы ЕАЭС, международное правовое регулирование, национальное право, право ЕАЭС, Российская Федерация

Статья поступила в редакцию 08.04.2025, одобрена после рецензирования 30.04.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

**Jie Ouyang, Ph.D., Lecturer of Private and Notarial Law, University of
Groningen, Groningen, Netherlands**

Abstract

Modern realities, characterized by globalization and the intensification of international relations between the West and the East, represented primarily by Russia and the United States, require a review of foreign policy in the direction of closer cooperation with Russia's traditional partners in the post-Soviet space. And since the EAEU is currently the organization that represents the most friendly and closest states to Russia, the main efforts in the field of international economic cooperation should be focused on it. But the question regarding the prospects of this organization remains extremely ambiguous. On the one hand, the Treaty on the EEC and other documents constituting the law of this organization create a fairly solid foundation for further integration processes in terms of the development of law within the entire EAEU area. However, there are many problems inherent in the EAEU law, which make the prospects of this organization questionable. Among such problems, the author notes the declarative nature of the norms of the EAEU Treaty, as well as the problems of unsystematic and uncontrollable development of the EAEU law analyzed in the literature. As a result, the author concludes that it is necessary to create a legal framework for the

development of all key branches of legislation in order to form a single legal space within the EAEU.

Keywords: state sovereignty, EAEU, international law, prospects of the EAEU, international legal regulation, national law, EAEU law, Russian Federation

Введение

Современная геополитическая ситуация, характеризующаяся обострением отношений между Россией и странами Запада, среди которых особенно выделяются США, требует принципиального пересмотра российской внешней политики, в том числе в части экономического сотрудничества. В настоящее время уже нет никаких сомнений в том, что на западных «партнёров» не приходится рассчитывать, в связи с чем усилия в части развития международного сотрудничества целесообразно развивать в других направлениях. Одно из таких направлений связано с Евразийским экономическим союзом (в дальнейшем – ЕАЭС), который без преувеличения можно расценивать как наиболее перспективное межгосударственное объединение с колоссальным потенциалом.

Указанная субъективная оценка ЕАЭС отражает, преимущественно, геополитический аспект сотрудничества. Что же касается правового аспекта, связанного с развитием нормативной основы сотрудничества в рамках указанной организации, то он более сложен, на наш взгляд, так как наряду с согласованием определенных экономических, политических, военных и иных вопросов, требует их юридического закрепления, которое часто бывает весьма затруднительным. Поэтому и вопрос перспективы развития права ЕАЭС представляет особую значимость.

Современное состояние правовой основы ЕАЭС

Правовая основа ЕАЭС в целом представляет собой систему международных нормативных правовых актов, обеспечивающих правовое регулирование различных аспектов сотрудничества, развиваемого в его рамках.

В состав этой системы, в соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС, включены:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [1] (в дальнейшем – Договор о ЕАЭС).
2. Международные договоры, заключаемые в рамках ЕАЭС.
3. Международные договоры, заключаемые ЕАЭС с третьей стороной.
4. Решения и распоряжения органов ЕАЭС:
 - Высшего Евразийского экономического совета,
 - Евразийского межправительственного совета,
 - Евразийской экономической комиссии.

Договор о ЕАЭС имеет приоритет перед иными нормативными документами, составляющими право данной организации, что обосновывает необходимость наиболее детального его рассмотрения. Структурно он включает 28 разделов, а также более 30 приложений, направленных на регулирование экономических и иных аспектов сотрудничества между членами ЕАЭС – Россией, Беларусью, Казахстаном, Арменией и Кыргызстаном.

В качестве главных целей ЕАЭС, а значит, и целей правового регулирования, осуществляемого в рамках ЕАЭС, декларируемых в ст. 4 рассматриваемого Договора, перечисляются:

1. Создание условий для развития экономик стран-членов.
2. Стремление к формированию единого рынка.
3. Всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобализации.

То есть можно с уверенностью говорить о нацеленности ЕАЭС на достижение как собственных целей каждой из стран, так и общих, коллективных целей. При этом в центре внимания находится именно экономика.

Базовыми принципами функционирования ЕАЭС, согласно ст. 3 анализируемого Договора, выступают:

1. Уважение принципов международного права.

2. Уважение особенностей политического устройства членов ЕАЭС.

3. Нацеленность на взаимовыгодное сотрудничество и учет национальных интересов стран-участниц.

4. Принципы рыночной экономики и конкуренции.

Исходя из перечисленных принципов, в рамках ЕАЭС обеспечивается максимально лояльное отношение к каждой из стран-участниц, независимо от специфики политического устройства, и формально исключается вмешательство организации во внутренние дела стран-участниц. В то же время данное положение весьма неоднозначно с точки зрения дальнейших перспектив ЕАЭС, поскольку такой подход не создаёт оптимальных условий для однонаправленного правового развития всех стран-участниц ЕАЭС.

Анализ перспектив развития права ЕАЭС

Перспективы развития права ЕАЭС можно оценивать по-разному, но в целом уместно выделить два возможных пути дальнейшего прогресса:

1. Объединение сверху.

2. Объединение снизу [5, с. 62].

Суть первого пути заключена в разработке и принятия единых для всех стран-членов ЕАЭС регулирующих документов, аналогичных по своей природе Таможенному кодексу ЕАЭС. Что касается второго пути, то он состоит в постепенном урегулировании отдельных сфера правоотношений, отдельных аспектов экономики, чем в настоящее время занимается Евразийская экономическая комиссия [5, с. 62].

Различия между этими двумя путями носят принципиальный характер. Первый путь предполагает, как минимум, частичный отказ стран-членов ЕАЭС от суверенитета в пользу данного интеграционного объединения, в общих интересах. И только в этом случае может быть обеспечена возможность для последовательного, системного и всестороннего развития права ЕАЭС, с вытекающим из этого развитием всех необходимых интеграционных институтов,

например, по образцу Европейского Союза, который принято считать «классическим примером наднациональной системы» [6, с. 40].

Однако для выбора такого пути развития существуют весьма серьёзные препятствия: «необходимость отказа от суверенитета вызывает серьезное сопротивление со стороны большинства государств-членов ЕАЭС» [5, с. 62].

Помимо того, определённое негативное влияние на интеграционные процессы в рамках ЕАЭС оказывают и внешние силы: «развитые страны блока НАТО не скрывают своего намерения тормозить эти процессы всеми возможными способами» [7, с. 60].

Тем не менее, ключевыми факторами, препятствующими более тесной интеграции в рамках ЕАЭС и унификации права этой организации, а также формированию полноценного единого правового евразийского пространства представляются внутренние факторы, внутренние проблем как России, как и иных стран, входящих в ЕАЭС.

Однако в научных исследованиях признается потребность в усилении ЕАЭС, более тесном сотрудничестве в его рамках, и расширении сферы регулирования. Так, В. Н. Ватыль подчеркивает, что «политики и эксперты соглашались с выводом о назревшей необходимости качественного расширения регулятивных функций ЕЭК» [2, с. 30]. Но вопросы о пределах расширения этих регулятивных функций, также о соотношении права ЕАЭС и национального права стран-участниц остаются открытыми даже в теоретическом аспекте.

Д. В. Козлов полагает, что на сегодняшний день развитие права ЕАЭС в русле объединения, как и развитие самой организации в целом, происходит снизу и характеризуется наличием, в частности, следующих основных проблем:

1. Бессистемности.
2. Неуправляемости [5, с. 62–63].

Бессистемность в данном случае означает, что развитие права в рамках ЕАЭС происходит в отдельных аспектах, отдельных сферах, и в результате многие вопросы правового характера оказываются не затронутыми правом

данной организации. Во многом это обусловлено сугубо экономическим характером объединения, декларируемым в Договоре о ЕАЭС. Но такой подход препятствует более тесной интеграции, в том числе и в экономическом русле. Например, право ЕАЭС практически никак не затрагивает военную сферу сотрудничества, что представляется серьёзным упущением, особенно в условиях противостояния России и постсоветского пространства в целом Блоку НАТО во главе с Соединенными Штатами, и Западу в целом. Что касается неуправляемости, то эта проблема тоже усматривается и выражается в недостаточной согласованности правовой политики каждой из стран-членов ЕАЭС. Возможно, при более детальном анализе можно усмотреть и иные проблемы.

Примечательны и некоторые положения Договора о ЕАЭС, которые тоже можно расценивать как препятствия развитию права этой организации. Так, ст. 4 данного документа в числе целей провозглашает «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза». То есть в данном случае говорится конкретно о стремлении к созданию единого рынка, а не о его создании. Судя по всему, стороны, работавшие над составлением и принятием данного документа, на момент формирования целей не были не готовы к тому, чтобы рынок был реально единым. В этом проявляется декларативность целей ЕАЭС.

В литературе нередко обсуждается идея создания и внедрения единой валюты ЕАЭС, но ее осложняют многие препятствия:

1. Необходимость гармонизации законодательства в пределах пространства ЕАЭС.
2. Необходимость формирования единого финансового рынка.
3. Необходимость решения основных проблем, свойственных телекоммуникационной инфраструктуре [4, с. 271].

Кардинальных изменений в развитии права ЕАЭС не может быть и без существенных преобразований в области регулирования статуса частных лиц в

пространстве ЕАЭС. С одной стороны, Договор о ЕААЭС содержит все необходимое для этого: «свободное движение рабочей силы является одним из неотъемлемых слагаемых евразийского интеграционного проекта» [3, с. 99]. Однако на практике национальное законодательство стран-членов не обеспечивает такой свободы, чему есть масса причин.

Особо стоит сказать о вопросе унификации норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в пространстве ЕАЭС, а также образовании единого судебного органа ЕАЭС, аналогичного по характеру своей деятельности Европейскому суду по правам человека, о чем пишут, например, В. В. Рудич и А. Б. Абрамов [8, с. 148–149]. Определённые меры в этом направлении требуются, однако данный вопрос представляется наиболее спорным, в том числе и по политическим соображениям, поскольку, соглашаясь на реальную унификацию уголовного и уголовного-процессуального права, государство отчасти утрачивает контроль в сфере противодействия преступности.

Поэтому в проблематике перспектив развития ЕАЭС вопрос наднациональной конституционализации занимает особое место во многом ввиду его спорного характера, и для решения этого вопроса в практическом русле требуется прийти к однозначному выводу по поводу такой конституционализации: «является ли она благом или усиливает риски» [3, с. 90]. Но так как власти стран-членов ЕАЭС и, прежде всего, России, не смогли пока решить однозначно данный вопрос, то развитие права в данной организации происходит снизу – фрагментарно и бессистемно.

Заключение

ЕАЭС является организацией, на базе которой может быть сформировано единое правовое пространство, во многом аналогичное пространству, которое было создано в рамках Европейского Союза. Однако для этого подход стран-членов ЕАЭС к сотрудничеству должен быть принципиально изменён. Если в настоящее время развитие осуществляется снизу, то для более тесной интеграции и эффективного развития ключевые меры должны приниматься сверху, то есть

органами ЕАЭС. Соответственно, органы власти стран-членов должны быть готовы к отказу от существенной части своих полномочий в пользу наднациональных органов ЕАЭС, в общих интересах. В современной ситуации такое вряд ли можно представить. Однако в дальнейшем такое развитие событий нельзя исключить. И развитие ЕАЭС по образцу Европейского Союза, с единым правовым пространством, обеспечиваемым не только унифицированным законодательством, но и юрисдикцией Евразийского Суда по правам человека, аналогичного Европейскому суду по правам человека, представляется наиболее предпочтительным.

Поэтому сфера правового регулирования ЕАЭС должна расширяться, создавая единую правовую основу для развития уголовного и уголовно-процессуального, гражданского и гражданского процессуального, арбитражного, валютного, банковского и других отраслей законодательства.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : ратифицирован Федер. законом от 03 окт. 2014 г. № 279-ФЗ (с изм. и доп. от 24 мар. 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.
2. Ватыль В. Н. Наднациональный уровень регулирования в ЕАЭС: институционально-нормативное измерение // Русская политология. 2019. № 2 (11). С. 24–30.
3. Войников В. В., Энтина Е. Г., Энтин М. Л. Перспективы, потребности и подводные камни конституционализации ЕС и ЕАЭС // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 89–103.
4. Дудин М. Н., Шахова М. С. Единая электронная валюта ЕАЭС: миф или реальность // Экономика и социум: современные модели развития. 2019. Т. 9, № 2 (24). С. 260–276.

5. Козлов Д. В. Формирование единого законодательства в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3 (33). С. 61–66.
6. Нешатаева Т. Н. Наднационализм: развитие внутреннего права ЕАЭС // Российское правосудие. 2019. № 5. С. 38–57.
7. Петрова Г. В. Форматы нового уровня политической и экономической интеграции в рамках ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС: безопасность, инвестиции, право, финансы // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3. С. 50–62.
8. Рудич В. В., Абрамов А. Б. К вопросу об унификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства и основной цели такой унификации для государств ЕАЭС // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2022. № 1. С. 144–149.

References

1. Dogovor o Evrazijskom e`konomicheskom soyuze : podpisan v g. Astane 29 maya 2014 g. : ratificirovan Feder. zakonom ot 03 okt. 2014 g. № 279-FZ (s izm. i dop. ot 24 mar. 2022 g.) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru.
2. Vaty`l` V. N. Nadnacional`ny`j uroven` regulirovaniya v EAE`S: institucional`no-normativnoe izmerenie // Russkaya politologiya. 2019. № 2 (11). S. 24–30.
3. Vojnikov V. V., E`ntina E. G., E`ntin M. L. Perspektivy`, potrebnosti i podvodny`e kamni konstitucionalizacii ES i EAE`S // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. № 4. S. 89–103.
4. Dudin M. N., Shaxova M. S. Edinaya e`lektronnaya valyuta EAE`S: mif ili real`nost` // E`konomika i socium: sovremenny`e modeli razvitiya. 2019. T. 9, № 2 (24). S. 260–276.
5. Kozlov D. V. Formirovanie edinogo zakonodatel`stva v ramkax EAE`S // Evrazijskaya integraciya: e`konomika, pravo, politika. 2020. № 3 (33). S. 61–66.

6. Neshataeva T. N. Nadnacionalizm: razvitie vnutrennego prava EAE`S // Rossijskoe pravosudie. 2019. № 5. S. 38–57.
7. Petrova G. V. Formaty` novogo urovnya politicheskoj i e`konomicheskoj integracii v ramkax EAE`S, SNG, BRIKS, ShOS: bezopasnost`, investicii, pravo, finansy` // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e`konomika, pravo. 2019. № 3. S. 50–62.
8. Rudich V. V., Abramov A. B. K voprosu ob unifikacii ugolovnogo i ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva i osnovnoj celi takoj unifikacii dlya gosudarstv EAE`S // Nauka, novy`e texnologii i innovacii Ky`rgy`zstana. 2022. № 1. S. 144–149.

Научная статья

УДК 341.21

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Куницкая Ольга Михайловна, к.ю.н., доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета, olgakunitsk.hm@mail.ru

Аннотация

Цель статьи – осмысление феномена международной правосубъектности государства и поиск путей разрешения проблем, которые препятствуют обретению этой правосубъектности. В ходе ее реализации автор изучает вопрос определения понятия международной правосубъектности через призму государственного суверенитета и международного признания. Даёт краткую характеристику правовой основы признания международной правосубъектности государства, которую составляет лишь Декларация о принципах международного права 1970 года, обязывающая каждое государство уважать правосубъектность других государств. На ее основании, а также с учётом мнений других исследователей автор приходит к выводу о фактическом отсутствии международно-правовой регламентации данного аспекта. Главное внимание сосредоточивается на проблеме признания государства как условия его международной правосубъектности. Автором отмечаются две теории – декларативная, в рамках которой государство рассматривается как субъект международного права вне зависимости от его признания или непризнания; и конститутивная, согласно которой, субъектом международного права может являться только признанное государство. Проблему автор статьи видит в том, что решение этого вопроса осложняется отсутствием нормативно закреплённых условий признания государств. В заключении статьи делается вывод о том, что главным и обязательным условием правосубъектности государства является лишь наличие суверенитета.

Ключевые слова: международное право, непризнанные государства, правосубъектность государства, обязанности государства, ответственность государства, права государства, субъекты международного права, субъекты международных отношений, частично признанные государства

Статья поступила в редакцию 19.04.2025, одобрена после рецензирования 22.05.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

INTERNATIONAL LEGAL PERSONALITY OF THE STATE

Kunitskaya Olga Mikhailovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Economic Law of the Law Faculty

Abstract

The purpose of the article is to understand the phenomenon of the international legal personality of the state and to find ways to solve the problems that prevent the acquisition of this legal personality. In the course of its implementation, the author examines the issue of defining the concept of international legal subjectivity through the prism of state sovereignty and international recognition. He gives a brief description of the legal basis for the recognition of the international legal personality of a State, which consists only of the Declaration on Principles of International Law of 1970, which obliges each State to respect the legal personality of other States. Based on it, as well as taking into account the opinions of other researchers, the author comes to the conclusion that there is no actual international legal regulation of this aspect. The main focus is on the problem of recognizing the State as a condition of its international legal personality. The author notes two theories – declarative, in which the state is considered as a subject of international law, regardless of its recognition or non-recognition; and constitutive, according to which only a recognized state can be a subject of international law. The author of the article sees the problem in the fact that

the solution of this issue is complicated by the lack of legally fixed conditions for the recognition of states. The conclusion of the article concludes that the main and obligatory condition of the legal personality of the state is only the existence of sovereignty.

Keywords: international law, unrecognized states, legal personality of the state, duties of the state, responsibility of the state, rights of the state, subjects of international law, subjects of international relations, partially recognized states

Введение

Вопрос международной правосубъектности государства находится в центре проблематики международного права, так как от его научного и практического решения зависит успешность решения многих проблем, которые носят глобальный характер и являются актуальными для всего мира. Актуальность вопроса международной правосубъектности государств объясняется и появлением отдельных государств, которые не признаются международным сообществом или признаются частично, в связи с чем возникают разногласия между разными государствами, способствующие обострению противостояния, ухудшению международной обстановки в целом и в отдельных сферах международных отношений – в экономической, правовой, военной и пр. Поэтому данная статья нацелена на осмысление феномена международной правосубъектности государства и поиск путей разрешения проблем, которые препятствуют обретению этой правосубъектности.

Понятие международной правосубъектности государства

Государство в широком смысле можно определить как универсальную территориальную суверенную политическую организацию общества [5, с. 82], и это даёт возможность рассматривать его в качестве единицы, могущей взаимодействовать с другими аналогичными единицами.

В то же время такая возможность взаимодействия в международном праве рассматривается исключительно в контексте международной

правосубъектности, которая понимается весьма неоднозначно. С одной стороны, сущность данного понятия ясна: международная правосубъектность представляет собой свойство лица быть субъектом международного права (международных отношений), которое базируется на международно-правовых нормах [9, с. 136]. С другой стороны, элементы международной правосубъектности весьма неоднозначны, как неоднозначны и основания, которые свидетельствуют о ее возникновении у государства.

Г. Г. Фастович пишет, что международная правосубъектность содержит в себе два ключевых структурных компонента:

- умение быть носителем прав и обязанностей (правоспособность);
- умение самостоятельно осуществлять их (дееспособность) [9, с. 136].

Изложенное в целом вполне точно отражает содержание международной правосубъектности как в целом, так и в отношении государства. Однако каких-либо конкретных ориентиров для однозначного определения правоспособности и дееспособности применительно к государствам в международном праве юридически не закреплено.

О. В. Погожева полагает, что «международная правосубъектность государств универсальна. Именно государство может участвовать в международных отношениях, поддерживать мир и международную безопасность, ему присущи такие важные элементы международной правосубъектности, как возможность создавать нормы международного права, а также выполнять взятые на себя обязательства» [6, с. 106]. Указанные характеристики тоже вполне точно отражают сущность международной правосубъектности государства.

Если рассматривать международную правосубъектность государства с практической стороны, то она предполагает наличие таких элементов, как:

- государственный суверенитет;
- международное признание [6, с. 108].

Каждая из этих составляющих нуждается в особо тщательном анализе. Причём по вопросу суверенитета, как правило, дискуссии менее остры. Так, в статье О. В. Погожевой государственный суверенитет описывается как территориальное верховенство государства и его независимость в международных отношениях [6, с. 108]. О. А. Пугина трактуется суверенитет в контексте современного права как основу государственной власти [7, с. 45].

Такие характеристики отражают и юридический, и фактический аспекты государственного суверенитета. Юридический аспект означает, что государство де-юре способно поддерживать власть в пределах своей территории, создавая соответствующую систему правовых норм. Фактический же аспект государственного суверенитета предполагает фактическое поддержание государством его власти и применение созданного им права. При этом какие-либо иные государства ни коим образом не осуществляют и не могут осуществлять власть в пределах всей его территории. И именно наличие суверенитета даёт и юридическую, и фактическую возможность государству вступать в международные отношения с другими государствами, обеспечивая представление и защиту собственных интересов в таких отношениях. В связи с этим невозможно себе представить в качестве равноправного участника международных отношений государство, которое суверенитетом не обладает.

С международным признанием ситуация принципиально иная: данный элемент не является столь значимым для появления у государства международной правосубъектности, поэтому этот вопрос относится к разряду дискуссионных, в связи с чем будет рассмотрен в рамках основных проблем.

В целом же, в качестве промежуточного вывода можно отметить, что международная правосубъектность государства выступает обязательной составляющей, которая обеспечивает ему и юридическую, и фактическую возможность вступать в равноправные отношения с другими государствами.

Правовые основы признания международной правосубъектности государства

Вопрос международной правосубъектности государств относится к разряду наиболее слабо урегулированных аспектов международно-правовой жизни. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие специальных международных правовых актов, которые были бы посвящены именно данному вопросу. В отдельных же международно-правовых актах вопрос правосубъектности затрагивается лишь поверхностно.

Так, в Декларации ООН от 24 октября 1970 г. «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» говорится, что «каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств» [1].

Каких-либо иных положений, конкретизирующих содержание правосубъектности, указанный документ не предусматривает, позволяя, таким образом, в тех или иных правоприменительных ситуациях трактовать правосубъектность как угодно. И думается, что такой подход авторов рассматриваемой Декларации к регулированию соответствующих международных правоотношений продиктован стремлением обеспечить мир и безопасность в глобальных масштабах, и, если не исключить, то, по крайней мере, минимизировать риск возникновения споров по вопросу международной правосубъектности отдельных стран и их признания.

Ю. Ю. Левченко усматривает в отсутствии формально закрепленного единообразного подхода к решению вопроса о международной правосубъектности государств вполне конкретные причины, а именно двойные стандарты в практике признания и непризнания, которые не позволяют сформироваться правовому обычаю. В то же время такая оценка качественного и количественного уровня правового регулирования отношений признания не, по мнению Ю. Ю. Левченко, не означает отказ от поиска правовых, а, следовательно, универсальных, подходов к проблемам признания [4, с. 114], что полностью поддерживается автором статьи.

Проблемные вопросы признания международной правосубъектности государства

Проблематика международной правосубъектности государства в значительной мере сводится к вопросу о признании международной правосубъектности. В этой связи при рассмотрении указанного вопроса принято придерживаться одного из двух подходов:

- декларативного;
- конститутивного [6, с. 108].

В контексте декларативного подхода государство рассматривается в качестве субъекта международного права в силу самого факта его существования. В этом случае решение вопроса о правосубъектности государства не ставится в зависимость от воли других субъектов международного права. С позиции конститутивного подхода государство рассматривается в качестве субъекта международного права только при условии его международного признания [6, с. 107–108].

Из этих подходов первый представляется наиболее логичным и обоснованным с точки зрения соответствия реалиям мира. Так, если обратиться к историческому опыту, то станет очевидно, что многие государства, если не большинство, на первых порах своего существования считались непризнанными, что ни коим образом не препятствовало им вступать в соответствующие правоотношения с отдельными государствами, реализовывать собственную суверенную политику, поддерживать свою обороноспособность, развивать экономику и т.д. В качестве наиболее ярких примеров можно привести США, также РСФСР и СССР в первые годы после своего создания [3, с. 54]. Такая практика, по справедливому мнению Ю. Ю. Левченко, «в полной мере соответствовала декларативной теории признания» [4, с. 115].

В то же время в обеих описанных теориях Ю. Ю. Левченко усматривает явные недостатки, поскольку каждая из них взаимно отрицает другую: первая теория переоценивает юридическое значение признания, вторая –

недооценивает. В связи с этим, по ее мнению, нужна теория, которая бы синтезировала и декларативную, и конститутивную теории [4, с. 115]. Однако такого рода идеи, несмотря на их научную ценность, вряд ли целесообразно закреплять в международных документах, учитывая современную геополитическую ситуацию.

Конечно, в полной мере отрицать значимость признания как условия появления правосубъектности государства не представляется возможным, ведь только в случае полного признания государство может реализовать свою международную правосубъектность в полной мере [2, с. 8], а непризнание или частичное признание существенно ограничивает возможности государства в полноценном участии в международных отношениях, но не исключает такого участия.

Но в случае рассмотрения признания как обязательного условия правосубъектности государства возникает ряд вопросов, которые не представляется возможным решить однозначно. Так не вполне понятно, какое количество (какая доля) стран должно признать данное государство, чтобы оно считалось признанным? Может ли считаться государством такое образование, которое имеет суверенитет и прочие атрибуты государства, но не признано ни одним из государств? [8, с. 9]. Круг подобных вопросов можно расширить существенно, и найти на них ответы не представляется возможным.

Как пишет Д. В. Заяц, «каждое непризнанное государство представляет собой прецедент не до конца решенной территориальной проблемы» [3, с. 55]. Поэтому решение вопроса о признании или непризнании конкретного государства, как и его правосубъектности, в большей мере лежит в политической, нежели в юридической плоскости. А. Н. Сквозников в этой связи считает, что «гораздо логичнее полагать, что правосубъектность нового только что образованного государства появляется во время установления отношений с ним других субъектов международного права и продолжается в течение всего времени этих отношений» [8, с. 10].

Заключение

Проблематика международной правосубъектности государства крайне сложна и ее решение в практике международных отношений во многом обуславливается возможностями (военными, экономическими, политическими) каждого отдельного государства обеспечивать признание своей правосубъектности.

И де-юре, и де-факто суверенитет выступает главным и обязательным условием, обеспечивающим международную правосубъектность государства. И его вполне достаточно, по крайней мере, для вступления в двусторонние межгосударственные отношения с отдельными государствами, а, значит, и для того, чтобы считаться субъектом международного права. Признание же государства, как условие его международной правосубъектности, в реалиях современного мира не всегда оказывается обязательным. Думается, что государство приобретает правосубъектность в тот момент, когда обретает суверенитет, потенциально позволяющий ему вступать в отношения с другими государствами.

Список литературы

1. О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : декларация ООН : принята Генеральной Ассамблеей ООН 24 окт. 1970 г. // Действующее международное право. В 3-х т. Т. 1. М.: МНИМП, 1996.
2. Гончарова О. А. Некоторые вопросы участия частично признанных государств в международных отношениях // Вопросы российской юстиции. 2021. № 13. С. 5–12.
3. Заяц Д. В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. 2020. № 1. С. 53–69.

4. Левченко Ю. Ю. Соотношение признания и международной правосубъектности государств // Евразийский союз ученых. 2015. № 7-5(16). С. 114–117.
5. Мифтахов Р. Л. Государство как консолидированный субъект публично-правовых отношений // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2019. Т. 15. С. 81–85.
6. Погожева О. В. Многомерность теоретико-правовых концепций в научной интерпретации признаков международной правосубъектности государств // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 1. С. 103–109.
7. Пугина О. А. Правосубъектность государства в условиях интеграции правовых систем // Право: история и современность. 2018. № 2. С. 45–49.
8. Сквозников А. Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 2(10). – С. 3–12.
9. Фастович Г. Г. К вопросу о международной правосубъектности сложных государств: теоретико-правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2019. № 1(169). С. 136–139.

References

1. О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : декларация ООН : принята Генеральной Ассамблеей ООН 24 окт. 1970 г. // Действующее международное право. В 3-х т. Т. 1. М.: МНИМП, 1996.
2. Goncharova O. A. Nekotory`e voprosy` uchastiya chastichno priznanny`x gosudarstv v mezhdunarodny`x otnosheniyaх // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2021. № 13. S. 5–12.
3. Zayacz D. V. Fenomen nepriznanny`x gosudarstv v sovremennom mire // Geograficheskaya sreda i zhivy`e sistemy`. 2020. № 1. S. 53–69.

4. Levchenko Yu. Yu. Sootnoshenie priznaniya i mezhdunarodnoj pravosub`ektnosti gosudarstv // Evrazijskij soyuz ucheny`x. 2015. № 7-5(16). S. 114–117.
5. Miftaxov R. L. Gosudarstvo kak konsolidirovanny`j sub`ekt publichno-pravovy`x otnoshenij // Ucheny`e zapiski Kazanskogo filiala «Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya». 2019. T. 15. S. 81–85.
6. Pogozheva O. V. Mnogomernost` teoretiko-pravovy`x koncepcij v nauchnoj interpretacii priznakov mezhdunarodnoj pravosub`ektnosti gosudarstv // Pravovaya politika i pravovaya zhizn`. 2017. № 1. S. 103–109.
7. Pugina O. A. Pravosub`ektnost` gosudarstva v usloviyax integracii pravovy`x sistem // Pravo: istoriya i sovremennost`. 2018. № 2. S. 45–49.
8. Skvoznikov A. N. Fenomen nepriznanny`x i chastichno priznanny`x gosudarstv i osobennosti ix pravosub`ektnosti // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo. 2011. № 2(10). – S. 3–12.
9. Fastovich G. G. K voprosu o mezhdunarodnoj pravosub`ektnosti slozhny`x gosudarstv: teoretiko-pravovoj aspekt // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2019. № 1(169). S. 136–139.

Научная статья

УДК 341.64

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ И ПРИЗНАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

Карни Терри, Ph.D., профессор права, юридическая школа Сиднейского университета, estsalmeron_unir@yandex.ru

Аннотация

В статье поднимается проблематика развития и признания международного правосудия в контексте современных глобализационных процессов, интеграции отечественной правовой системы в международное право и усиливающихся в связи с этим рисков. Автором подчёркивается кардинальное отличие системы международных судебных органов от национальной судебной системы: первая может быть названа системой лишь условно, ввиду отсутствия централизации и иерархии. С учётом специфики международных судебных органов характеризуется и специфика международного правосудия, отличающаяся, в частности, тем, что решения международных судов не подкрепляются механизмом их исполнения. Политизированность деятельности международных судебных органов рассматривается автором в числе рисков, которые не позволяют государству в полной мере признавать и исполнять все без исключения решения международных судов. Затрагивается вопрос обеспечения независимости судов на международном уровне. Выявляются противоречия между национальными и международными судебными органами на примере практики Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ. В заключении автором выражено мнение об отсутствии необходимости в формировании единой централизованной системы международных судебных органов, а также предложено рассматривать международное правосудие как дополнение национального правосудия, а не как альтернативу ему.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, ЕСПЧ, международное право, международное правосудие, международный суд, решение суда, судебная система

Статья поступила в редакцию 13.04.2025, одобрена после рецензирования 06.05.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

CONTROVERSIAL ISSUES OF DEVELOPMENT AND RECOGNITION OF INTERNATIONAL JUSTICE

Carney Terry, Ph.D., Professor of Law, Sydney Law School

Abstract

The article raises the issue of the development and recognition of international justice in the context of modern globalization processes, the integration of the domestic legal system into international law and the risks that are increasing in this regard. The author emphasizes the cardinal difference between the system of international judicial bodies and the national judicial system: the former can only be called a system conditionally, due to the lack of centralization and hierarchy. Taking into account the specifics of international judicial bodies, the specifics of international justice are also characterized, characterized in particular by the fact that decisions of international courts are not supported by a mechanism for their execution. The politicization of the activities of international judicial bodies is considered by the author among the risks that prevent the State from fully recognizing and executing all decisions of international courts without exception. The issue of ensuring the independence of courts at the international level is raised. The contradictions between national and international judicial bodies are revealed by the example of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR. In conclusion, the author expresses the opinion that there is no need to form a unified centralized system of international judicial bodies, and also

suggests considering international justice as a complement to national justice, rather than as an alternative to it.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, ECHR, international law, international justice, International Court of Justice, court decision, judicial system

Введение

Международное правосудие – одна из тех сфер международных отношений, проблематика которой становится все более актуальной с каждым годом. Причинами тому являются усиливающиеся тенденции глобализации и интеграция национальных правовых систем в международное правовое пространство. Между тем, институт международного правосудия не имеет прочной концептуальной основы, а высказываемые по поводу развития этого института идеи часто вызывают сомнения, ведь внедрение международных судебных органов в практику разрешения тех или иных правовых конфликтов несёт не только определённую пользу, но и риски, которые нельзя проигнорировать. В связи с изложенным, дискуссионные вопросы развития и признания международного правосудия требуют всестороннего исследования и правовой оценки не только с точки зрения развития права в целом, но и точки зрения защиты национальных интересов Российской Федерации.

Основная часть

Приступая к анализу проблематики международного правосудия, важно подчеркнуть отсутствие на международном уровне судебной системы в том виде, в каком её принято рассматривать применительно к национальному уровню правосудия. А. А. Рабаданова в этой связи подчеркивает возможность лишь условного употребления понятия «система» в отношении мировой сети международных судебных органов. По ее мнению, слово «система» в таком контексте может обозначать лишь совокупность существующих международных судов разных уровней, разного назначения [9, с. 7]. Иначе говоря, чёткая

взаимосвязь, упорядоченность, иерархичность в системе международных судебных органов отсутствует.

В то же время нельзя не сказать о сложности такой системы и наличии в ней множества элементов, а именно универсальных судов (Международный суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Международный уголовный суд) и региональных судов (Европейский суд по правам человека и др.), судов общей компетенции (Международный суд ООН) и судов специальной компетенции (Международный трибунал по морскому праву), и пр. [9, с. 7]. Безусловно, здесь перечислены далеко не все суды и их категории. Но и этого достаточно для понимания всей неоднозначности рассматриваемой системы. В ней явно отсутствует какая-либо централизация, что вносит определённые противоречия не только в саму деятельность судебных органов, но и в работу, направленную на развитие международного правосудия в целом.

Изложенная выше специфика системы органов, реализующих правосудие на международном уровне, определяет и сам характер правосудия, который принципиально отличается от характера правосудия, реализуемого на национальном уровне.

Так, Е. А. Копылова, характеризуя международное уголовное правосудие, выделяет среди его особенностей продолжительные сроки рассмотрения дел. При этом в качестве примера приводится случай рассмотрения Международным уголовным судом событий 2002–2003 гг. в Центральноафриканской республике, когда старт расследованию был дан в 2005 г., в 2008 г. был арестован подозреваемый в совершении военных преступлений и преступлений против человечности сенатор Демократической республики Конго Ж.-П. Бемба Гомбо, и лишь в 2016 г. в его отношении был вынесен приговор [7, с. 164]. Конечно, столь длительное расследование и рассмотрение дел нельзя исключить и на национальном уровне, но именно для международного правосудия это характерно больше всего.

В качестве другой немаловажной особенности международного уголовного правосудия можно выделить использование преимущественно устных доказательств, большую значимость вторичных (предварительно обработанных) данных, полученных из общедоступных источников – докладов, обзоров международных правительственных и неправительственных организаций, публикаций в средствах массовой информации, фото-, видеорепортажей с мест происшествия и пр. [7, с. 164]. Эта особенность продиктована во многом тем, что уполномоченные проводить международное расследование лица зачастую не имеют возможности прибыть непосредственно на место происшествия. В то же время многие преступления, которые имеют международное значение, проявляют себя в общественном информационном пространстве, что и позволяет получать доказательства из открытых источников. В то же время, надежность таких источников может вызывать обоснованные сомнения.

Здесь надо сказать, что специфика и сложность реализации международного уголовного правосудия обуславливается отсутствием универсальных общепринятых норм, которые бы обязывали каждое из государств бороться с преступлениями. И говорить о необходимости разработки таких норм пока представляется преждевременным, на что указывает, например, Е. А. Копылова [7, с. 162].

В значительной мере развитию правосудия на международном уровне препятствует отсутствие международно-правового регулирования вопросов противодействия преступности, а также недостаточная урегулированность правоотношений, связанных с осуществлением международного уголовного правосудия. Правовая база в этой сфере в настоящее время, как полагает Е. А. Копылова, «характеризуется фрагментарностью и страдает отсутствием единообразия между трибуналами, а иногда и в рамках одного трибунала между судебными палатами» [7, с. 163].

Помимо того, для международного уголовного правосудия характерно «отсутствие собственного аппарата принуждения и полномочий на его применение на территориях государств, а, следовательно, ограниченный доступ к местам происшествия, архивам и другим материалам, языковые и культурные барьеры» [7, с. 164]. Конечно, в такой ситуации не может быть и речи о том, чтобы правосудие на международном уровне, будь то уголовное или любое иное, было сопоставимым с правосудием, существующим на национальном уровне.

Изложенные выше проблемы, свойственные преимущественно уголовному правосудию, в значительной мере находят проявление и в других сферах международного правосудия. Особенно это касается исполнения решений международных судебных органов. А. С. Исполинов относительно этой проблемы подчеркивает следующее: «Все международные суды, при всём их многообразии и различии судеб, объединяет то, что все они созданы государствами, действуют постоянно и общей для всех этих судов задачей является толкование и применение норм международного права. Отсюда следует и общая проблема соблюдения государствами решений этих судов» [4, с. 46].

Думается, что данная проблема может быть взаимоувязана с политическими целями, задачами и проблемами государств, а значит, выбор подхода к решению вопроса о признании и исполнении решений международных судов может быть продиктован также политическими мотивами, а не только сугубо юридическими факторами.

Изложенное приводит автора к выводу о том, что сфера международного правосудия вполне может использоваться государствами для достижения своих политических целей и борьбы с конкурентами. Поэтому признание и исполнение решений международных судов может быть не только сугубо правовым вопросом, но и вопросом поддержания собственной конкурентоспособности, вопросом противодействия давлению со стороны конкретных конкурирующих стран и защиты собственных интересов. Сам международный суд может

использоваться в качестве политического инструмента для оказания давления на тех или иных субъектов международного права.

Сформулированный выше тезис представляется еще более убедительным, если учесть, что разными государствами используются неодинаковые подходы к исполнению решений международных судебных органов. А. С. Исполинов замечает, например, что наиболее слабые страны часто не исполняют решений международных судов ввиду отсутствия нужных ресурсов; в то же время же сильные государства могут позволить себе отказаться от исполнения судебного решения; поэтому наиболее послушно решения международных судов исполняются странами, занимающими срединное положение [4, с. 61–62].

Если исходить из ситуации, когда какое-либо из государств не исполняет решение международного суда, то можно усмотреть предпосылки, или, по крайней мере, моральные основания для неисполнения соответствующих решений и другими государствами, хотя бы теми, которые могут себе это позволить. Но поскольку страны, с участием которых создаются те или иные судебные органы, заинтересованы в их деятельности, то полный и однозначный отказ от исполнения решений международных судов становится явлением относительно редким.

Можно поддержать А. С. Исполинова в том, что «в международном правосудии речь может идти не об абсолютном, а о минимально приемлемом для государств-участников уровне исполнения решений конкретного суда; при этом необходимо учитывать, что для различных судов этот уровень никогда не будет одинаков» [4, с. 65]. Думается, что это вполне естественно в условиях отсутствия мировой законодательной и исполнительной власти, где международное правосудие может носить только децентрализованный характер. А потому любые инициативы по выстраиванию централизованной системы международных судов, аналогичной национальной судебной системе, являются нереализуемыми в принципе [5, с. 81].

Главным препятствием, которое не позволяет выстроить единую систему правосудия на международном уровне, видится государственный суверенитет, имеющийся у каждой из стран, а также широкая самостоятельность во внутренней и внешней политике, которая не может в полной мере контролироваться извне.

Соглашаясь с тем, что международное правосудие имеет важное значение для правового развития человечества, нельзя не сказать также о том, какие риски несет в себе безусловное и полное признание и исполнение всех решений международных судов на национальном уровне. Как пишет Х. И. Гаджиев, в практике международных судов правовой норме нередко может придаваться новый смысл, что уже может свидетельствовать о правотворческой деятельности [3, с. 120], которая принципиально отличается от толкования содержания конкретной нормы международного права и может приводить к различным правовым последствиям. [6, с. 129].

Поэтому в сфере международного правосудия не исключена такая ситуация, когда какой-либо международный акт, ратифицированный конкретным государством, после уже рамках практики международного суда приобретает новое значение, отличное от того, в котором этот акт рассматривали при ратификации. И в этой связи, с учетом национальных интересов, возникает сомнение в допустимости исполнения соответствующего судебного решения, принятого на основе международного документа, истолкованного по-новому.

Определённые препятствия для развития международного правосудия создаёт и зависимость многих судов от политической воли руководства тех или иных стран. М. А. Сарсембаев, например, замечает, что «Суд ЕС является действительно независимым органом среди всех руководящих органов ЕС... Суд ЕАЭС – практически подчиненный руководящим органам ЕАЭС судебный орган, не обладает правом коррекции деятельности органов ЕАЭС» [10, с. 100]. Исходя из таких отличий, сложно представить, что в рамках ЕАЭС может

сформироваться, например, аналог ЕСПЧ, который будет пользоваться доверием со стороны всего населения стран-членов ЕАЭС.

Определённые препятствия для развития международного правосудия создаёт и некая конкуренция между национальными и международными судебными органами, хотя наличие этой конкуренции признается не всеми исследователями. С. Ю. Марочкин, например, высказывает мнение, что решения Конституционного Суда РФ не выше решений ЕСПЧ, поэтому правовых оснований для конфликта интересов здесь нет, на его взгляд [8, с. 30]. Но если обратиться к судебной практике, то с станет понятно, что конфликт интересов присутствует. Так, по Делу Анчугова и Гладкова, рассмотренному ЕСПЧ, было установлено нарушение избирательных заключенных (лишение их возможности участвовать в выборах) [2]. Позднее Конституционный Суд РФ, принимая Постановление от 19 апреля 2016 г. № 12-П [1] в связи с указанным делом, расценил требования ЕСПЧ как невыполнимые, тем самым создав предпосылку для невыполнения других решений ЕСПЧ.

Таким образом, международное правосудие прямо конкурирует с национальным правосудием, а соответствующие международные суды – с национальными судами, что не может не влечь определённых противоречий.

Заключение

Международное правосудие играет огромную роль в развитии национальных правовых систем и, в том числе, российской правовой системы. Однако его значение переоценивать не следует, ведь наряду с определённым положительным влиянием международное правосудие несёт и определённые риски для государства. Поэтому не представляется целесообразным формирование единой централизованной системы международных судебных органов, снабжённой соответствующим механизмом принудительного исполнения, по аналогии с национальным правосудием.

Учитывая конкуренцию международного и национального правосудия, а также государственный суверенитет и свободу каждого государства в решении

вопросов внутренней и внешней политики, международное правосудие следует рассматривать лишь как дополнение к национальному правосудию, а не как альтернативный вариант правосудия, даже в отдаленной перспективе.

Список литературы

1. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 апр. 2016 г. № 12-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: : <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2025).
2. По Делу «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июл. 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.
3. Гаджиев Х. И. Судебное правотворчество в международном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3(70). С. 118–129.
4. Исполинов А. С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1(21). С. 45–67.
5. Исполинов А. С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 10(131). С. 58–87.
6. Капустин А. Я. Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы // Государство и право. 2018. № 7. С. 120–132.
7. Копылова Е. А. Преступления против отправления международного уголовного правосудия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2017. 233 с.

8. Марочкин С. Ю. Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд России двадцать лет спустя: в будущее назад? // Российский юридический журнал. 2018. № 5(122). С. 21–31.
9. Рабаданова А. А. Международное уголовное правосудие: становление, современное состояние, перспективы развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. М., 2006. 28 с.
10. Сарсембаев М. А. Решения, постановления, заключения Суда ЕАЭС и Суда ЕС: аналогичные и различительные черты // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. №3 (57). С. 95–101.

References

1. Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolneniya v sootvetstvii s Konstituciej Rossijskoj Federacii postanovleniya Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 goda po delu «Anchugov i Gladkov protiv Rossii» v svyazi s zaprosom Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii» : Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 19 apr. 2016 g. № 12-P // Oficial'ny`j internet-portal pravovoj informacii. URL: : <http://publication.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 10.03.2025).
2. Po Delu «Anchugov i Gladkov (Anchugov and Gladkov) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 11157/04, 15162/05) : Postanovlenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyul. 2013 g. // Byulleten` Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2014. № 2.
3. Gadzhiev X. I. Sudebnoe pravotvorchestvo v mezhdunarodnom pravosudii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2018. № 3(70). S. 118–129.
4. Ispolinov A. S. Ispolnenie reshenij mezhdunarodny`x sudov: teoriya i praktika // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2017. № 1(21). S. 45–67.

5. Ispolinov A. S. E`volyuciya i puti razvitiya sovremennogo mezhdunarodnogo pravosudiya // Lex Russica (Russkij zakon). 2017. № 10(131). S. 58–87.
6. Kapustin A. Ya. Mezhdunarodny`e sudy`: tendencii razvitiya i vliyanie na nacional`ny`e pravovy`e sistemy` // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 7. S. 120–132.
7. Kopy`lova E. A. Prestupleniya protiv otpravleniya mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudiya : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.10. M., 2017. 233 s.
8. Marochkin S. Yu. Evropejskij Sud po pravam cheloveka i Konstitucionny`j Sud Rossii dvadczat` let spustya: v budushhee nazad? // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2018. № 5(122). S. 21–31.
9. Rabadanova A. A. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravosudie: stanovlenie, sovremennoe sostoyanie, perspektivy` razvitiya : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.10. M., 2006. 28 s.
10. Sarsembaev M. A. Resheniya, postanovleniya, zaklyucheniya Suda EAE`S i Suda ES: analogichny`e i razlichitel`ny`e cherty` // Vestnik Instituta zakonodatel`stva i pravovoj informacii Respubliki Kazaxstan. 2019. №3 (57). S. 95–101.

Научная статья

УДК 341

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ

**Ян Ши, Ph.D., доцент Школы криминологии и уголовного правосудия,
Университет штата Аризона, Финикс, Аризона, США,
yanshi_cj@outlook.com**

Аннотация

В статье проанализирована актуализировавшаяся в последние десятилетия тема миграции в контексте международно-правового регулирования. Автор затрагивает основные источники международного права, регулирующие миграцию и связанные с ней правоотношения: Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Конвенцию о статусе беженцев 1951 г., Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. Последний документ исследуется более пристально, так как на его основе регулируется трудовая миграция, которая в целом определяется большинство вопросов миграционной проблематики в современном мире. Как одна из главных особенностей и проблем международно-правовой основы миграции рассматривается правозащитный подход, который, по мнению автора, выступает главным ориентиром миграции. Наряду с его преобладанием практически игнорируется необходимость развития международно-правовой основы противодействия незаконной миграции. Это формирует неблагоприятные условия для принятия все мировым сообществом главного международно-правового источника защиты прав трудовых мигрантов – Конвенции 1990 г. Тем не менее, миграционное право характеризуется как одна из наиболее перспективных сфер международного права, но условием его развития автор видит совершенствованию не только норм, обеспечивающих правозащиту в сфере миграции, но и противодействующих нелегальной миграции.

Ключевые слова: международная миграция, международно-правовое регулирование миграции, миграционное право, миграция, ООН, права мигрантов, трудовая миграция

Статья поступила в редакцию 06.04.2025, одобрена после рецензирования 15.05.2025, принята к публикации 12.06.2025.

Original article

PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF MIGRATION

Shi Yan, Ph.D., Associate Professor of the School of Criminology and Criminal Justice, Arizona State University, Phoenix, Arizona, USA

Abstract

The article analyzes the topic of migration, which has become relevant in recent decades in the context of international legal regulation. The author touches upon the main sources of international law governing migration and related legal relations: the Universal Declaration of Human Rights of 1948, the Convention relating to the Status of Refugees of 1951, the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination and the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families of 1990. The latter document is being studied more closely, as it regulates labor migration, which generally determines most of the migration issues in the modern world. The human rights approach is considered as one of the main features and problems of the international legal framework of migration, which, according to the author, acts as the main guideline for migration. Along with its predominance, the need to develop an international legal framework for countering illegal migration is practically ignored. This creates unfavorable conditions for the adoption by the entire world community of the main international legal source for the protection of the rights of migrant workers -

the 1990 Convention. Nevertheless, migration law is characterized as one of the most promising areas of international law, but the author sees the improvement of not only norms ensuring human rights protection in the field of migration, but also countering illegal migration as a condition for its development.

Keywords: international migration, international legal regulation of migration, migration law, migration, UN, migrants' rights, labor migration

Введение

Миграция существует в течение всей истории человечества, но особо динамичное развитие она получила в 20 веке. В то же время международно-правовое регулирование миграция стало активно развиваться лишь в последние десятилетия, на что указывают Е. В. Киселева и О. С. Кажаяева [10, с. 131]. А. М. Диноршох высказывает несколько отличное мнение, указывая на активное развитие международно-правового регулирования данной сферы отношений начиная со 2-й половины XX века [8, с. 95]. То есть очевидно, что в течение длительного периода фактического существования миграции она оставалась без внимания международного сообществ. И в связи с этим в настоящее время вряд ли можно говорить о высоком уровне развития соответствующего регулирования.

Одновременно с этим можно с уверенностью утверждать, что правовое регулирование миграции активно развивается и на национальном, и на международном уровне [9, с. 14], причём в контексте международного уровня имеет место как региональное регулирование (например, в рамках СНГ), так и глобальное (в рамках ООН). Но нельзя сказать, что такое регулирование приблизилось к совершенству. Международно-правовые акты и конкретные нормы, призванные урегулировать правоотношения в сфере миграции, содержат немало недостатков. Поэтому потребность в устранение таких недостатков очевидна, для чего и необходим научное осмысление темы. В этом заключается ее актуальность.

Основная часть

В Толковом словаре Л. П. Крысина отмечается, что понятие «миграции» имеет английское происхождение (англ. «migration») и означает «перемещение», «переселение», причём как внутри государства, так и за его пределы [11].

Аналогичный вариант трактовки данного понятие представлен и в Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами-участниками СНГ в пограничной сфере [5], где также подчеркивается, что понимание указанного термина от причин этого перемещения.

Не акцентируя внимание на нюансах терминологии, подчеркнём особую значимость именно международной миграции. Именно она представляет интерес для данного исследования. И именно она выступает в качестве предмета международно-правового регулирования.

Само международно-правовое регулирование А. М. Диноршох рассматривает как наиболее эффективный инструмент упорядочения международной миграции, в том числе ввиду того, что оно реализуется как на региональном международном уровне, так и на универсальном (глобальном) международном уровне [8, с. 94]. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти. Ни в коем случае не принижая значимости международно-правового регулирования миграционных процессов, нельзя не отметить, что решение миграционных вопросов зависит именно от национального миграционного законодательства.

И в этой связи вряд ли можно говорить о том, что именно международно-правовое регулирование является наиболее эффективным инструментом упорядочения миграции, поскольку на международном уровне миграция регламентируется лишь в самом общем виде, а детализируются нюансы миграции именно в рамках национального права каждого из государств. Именно в рамках национального права решается вопрос о том, какой порядок въезда в страну и выезд из неё установить; принимать ли международные правовые акты (в том числе, регулирующие миграцию) в качестве части национальной правовой

системы; ратифицировать ли тот или иной конкретный международно-правовой документ и т. д.

Источники международного миграционного права условно образуют систему и отчасти упорядочены, поэтому их можно классифицировать на несколько групп:

- источники общего характера;
- специальные источники;
- источники других отраслей (подотраслей) международного права, распространяющие свое действие на сферу миграции [9, с. 20].

Помимо того, источники международного миграционного права условно можно классифицировать и по иным критериям, в частности, по масштабам, сфере действия или уровню, на котором они приняты. В этой связи можно выделить источники, принимаемые и действующие:

- в глобальных масштабах (например, в рамках ООН);
- в региональном международном масштабе (например, в рамках СНГ).

Помимо того, имеют место и двусторонние источники, регулирующие вопросы миграции на двусторонне международном уровне, их условно тоже можно рассматривать как региональные, но специфика в том, что принимаются они все рамках международных организаций, а рамках двусторонних договорённостей.

Далее представляется важным вкратце рассмотреть некоторые ключевые источники международного права, регулирующие сферу миграции. Среди них выделяется Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [1], которая хотя и относится к международно-правовым актам общего характера (применительно к сфере регулирования миграции), то не занимает, тем не менее, ведущее место, поскольку все иные источники права в целом ориентируются именно на ее положения. В этом смысле её можно назвать главным ориентиром в

международно-правовом регулировании любых сфер общественных отношений, затрагивающих права и свободы человека и гражданина.

В части регулирования миграции особую значимость в данной Декларации имеет ст. 13, закрепляющая право на свободу передвижения, в том числе право покинуть свою страну и возвращаться в неё; а также ст. 14, гарантирующая каждому человеку право поиска убежища от преследования в других государствах, но лишь применительно к случаям преследования по политическим мотивам. Помимо того, подавляющее большинство прав и свобод, закреплённых в указанной Декларации, гарантируется не только не только гражданину, но и человеку, независимо от гражданства. Это означает, что все права, гарантируемые указанной Декларацией, в равной мере распространяются и на мигрантов, что создаёт им определённую международно-правовую защиту, особенно нужную в условиях пребывания в чужом для них государстве.

Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. [2] в определенной степени развивает идеи, заложенные во Всеобщей декларации и детализирует многие нюансы вынужденной миграции. Здесь принципиально важно подчеркнуть, что положения Конвенции не позволяют государствам применять жёсткие меры в отношении мигрантов, причём даже в тех случаях, когда имеет место незаконная миграция. И данный документ создаёт определённую правовую базу для обоснованной, правомерной легализации беженцев в новом для них государстве.

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации : заключена 21 дек. 1965 г. [3] непосредственно не регулируют вопросы миграции, однако создаёт правовую основу для устранения соответствующей дискриминации, что принципиально важно для обеспечения гарантий мигрантам, зачастую оказывающимся с чуждом (по расовым, национальным, религиозным признакам) для них социуме.

Немаловажную роль в системе источников международного права, регулирующих сферу миграции, играет принятая на уровне ООН

Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. [4]. Это документ специального характера, признаваемый особо значимым в связи с тем, что в последние десятилетия трудовая миграция особенно динамично развивается, растёт численность трудовых мигрантов, а вопросы их статуса, вопросы защиты их прав и в целом сопутствующая этому проблематика становится все более значимой и требует более детального регулирования.

Указанная Международная конвенция достаточно объемная, включает в себя более 90 статей, объединенных в 9 разделов, содержащих нормы, в частности, о недискриминации мигрантов, защите их прав и свобод, а также прав и свобод членов их семей, о создании нормальных условий в отношении миграции.

В литературе отмечается особая роль именно данной Международной конвенции, что представляется обоснованным, учитывая ее специальный характер и достаточно детальную проработку многих норм. Вместе с тем, в практическом плане указанный документ не реализуется в полной мере, если говорить о глобальном масштабе, чему имеются довольно значимые препятствия. При этом в качестве ключевой называется проблема «слабой реализации её положений на внутригосударственном уровне, а также проблема её ратификации рядом государств, которые активно используют труд мигрантов» [8, с. 96]. Очевидно, что многим государствам принятие указанной Международной конвенции не выгодно, поскольку она накладывает на ратифицировавшие ее страны массу обязательств. Вместе с тем, в плане защиты прав и свобод человека принятие данной Конвенции всеми странами важно.

В литературе отмечено, действие указанной Конвенции в настоящее время остается весьма ограниченным именно ввиду отказа многих государств от ее ратификации: из 193 стран ратифицировали данный документ лишь 56. Причем среди отказавшихся от ратификации стран в основном числятся страны Запада, которые наиболее активно принимают мигрантов. Исходя из этого,

А. М. Диноршох даже называет указанный документ конвенцией стран происхождения трудящихся мигрантов и членов их семей [8, с. 97].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что заинтересованность многих стран в международно-правовом регулировании миграции остается под вопросом. И в этой связи в большей мере в таком регулировании заинтересованы страны происхождения мигрантов, нежели принимающие государства.

В контексте проблематики миграции нельзя не затронуть вопрос реализации так называемого правозащитного подхода к миграции. Такой подход в целом носит характер именно юридического обязательства, а не дела доброй воли государства; предполагает обязательность защиты прав человека применительно к любой деятельности государства в сфере миграции. Помимо того, правозащитный подход расценивается в качестве основы «для наиболее полного использования потенциала миграции в целях развития на благо каждого человека, общества, государства» [10, с. 139].

Однако, что следует понимать под использованием потенциала миграции, не вполне понятно, как не понятно и то, насколько необходимо использование этого потенциала для каждой страны, в том числе и для России. Так, учитывая огромные ресурсы, в том числе территориальные, Россия могла бы принять значительное количество мигрантов и в этом состоит ее колоссальный потенциал. Но нужна ли такая реализация миграционного потенциала для нашей страны – большой вопрос.

В современных реалиях актуален другой вопрос – противодействие незаконной миграции. С целью предотвращения незаконной миграции государства вынуждены предпринимать активные усилия как на внутригосударственном, так и на международном уровне. [7, с. 343; 12, с. 153], в том числе, с привлечением силовых структур [7, с. 343], но положительные результаты такие меры приносят не всегда.

Не вполне успешная борьба с незаконной миграцией обуславливается множеством факторов, в том числе:

- значительной протяженностью границ стран, на территорию которых прибывают нелегальные мигранты;
- выгодным географическим положением;
- высоким уровнем развития принимающих стран, и низким уровнем стран, с территории которых мигранты прибывают [6, с. 275].

Усилению этой проблемы способствует глобализация [7, с. 342], в условия которой все труднее противостоять незаконной миграции. В то же время нельзя не отметить то, что на уровне международного права в глобальном масштабе противодействие незаконной миграции в должной мере не регулируется и не организуется, а те усилия, которые предпринимаются в этом направлении, можно расценить как незначительные.

В то же время стоит признать, что международному праву принадлежит ведущая роль в развитии миграционных процессов [7, с. 343], поскольку оно создает предпосылки для либерализации правового порядка миграции. Однако созданию правовой основы, позволяющей противодействовать незаконной миграции, на международном уровне не уделяется должного внимания. Но оно действует лишь в той мере, в какой принимается на национальном уровне.

Признавая важную роль международного права в регулировании миграции, важно подчеркнуть, что в его рамках, в том числе, государства принимают на себя определенные обязательства в части регулирования миграции на национальном уровне. Однако исполнение этих обязательств происходит неодинаково [6, с. 278]. Законодательство одних стран в части регулирования миграции и прав мигрантов оказывается более жестким, в то время как других стран – более либеральным.

Заключение

1. Международно-правовое регулирование миграции остается односторонне ориентированным, ввиду превалирования правозащитного подхода и недооценки проблематики незаконной миграции, юридическая основа которой не развивается должным образом.

2. Государства в своем большинстве, особенно развитые страны Запада, не заинтересованы в развитии международно-правового регулирования миграции, поскольку такое развитие вынуждает к принятию и ратификации различных международных документов, ориентированных прежде всего на защиту прав мигрантов, а не на решение проблем незаконной миграции.

3. Миграционное право видится одной из перспективнейших сфер международного права, но для его развития в рамках ООН должны предприниматься усилия по совершенствованию не только норм, обеспечивающих правозащиту в сфере миграции, но и противодействие нелегальной миграции.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Известия. 1989. 9 дек. № 344.
2. Конвенция о статусе беженцев: заключена в г. Женеве 28 июл. 1951 г. // Действующее международное право. В 3 т. Т. 1. М.: МНИМП, 1996.
3. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: заключена 21 дек. 1965 г. (с изм. от 15 янв. 1992 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 11.03.2025).
4. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей: заключена 18 дек. 1990 г. // Советский журнал международного права. 1991. № 3-4.
5. О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами-участниками СНГ в пограничной сфере : постановление № 47-13 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Принято в г. Санкт-Петербурге 13 апр. 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Баяман, У. Б. Современное состояние международно-правового регулирования миграции // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 11-1. С. 274–280.
7. Глазова А. П. Сотрудничество государств с целью пресечения незаконной миграции на море: принудительные меры правоохранительного характера // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3(38). С. 342–353.
8. Диноршох А. М. Особенности международно-правового регулирования вопросов защиты прав трудящихся-мигрантов в рамках ООН // Юридический вестник. 2021. № 1(5). С. 94–98.
9. Дурнев В. С. Нормы международного и национального права в сфере миграции // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 1. С. 14–20.
10. Киселева Е. В., Кажаяева О. С. Правозащитный подход к миграции и Цели развития тысячелетия // Российский юридический журнал. 2015. № 6(105). С. 131–141.
11. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
12. Ромашев Ю. С., Остроухов Н. В. Миграция на море : международно-правовые и организационные аспекты // Право : журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 149–165.

References

1. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka : prinyata General`noj Assambleej OON 10 dek. 1948 g. // Izvestiya. 1989. 9 dek. № 344.
2. Konvenciya o statuse bezhencev: zaklyuchena v g. Zheneve 28 iyul. 1951 g. // Dejstvuyushhee mezhdunarodnoe pravo. V 3 t. T. 1. М.: MNIMP, 1996.
3. Mezhdunarodnaya konvenciya o likvidacii vsekh form rasovoj diskriminacii: zaklyuchena 21 dek. 1965 g. (s izm. ot 15 yanv. 1992 g.) // Oficial`ny`j sajt OON. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (data obrashheniya: 11.03.2025).

4. Mezhdunarodnaya konvenciya o zashhite prav vsekh trudyashhixsya-migrantov i chlenov ix semej: zaklyuchena 18 dek. 1990 g. // Sovetskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1991. № 3-4.
5. O Glossarii terminov i ponyatij, ispol`zuemy`x gosudarstvami-uchastnikami SNG v pogranichnoj sfere : postanovlenie № 47-13 Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG (Prinyato v g. Sankt-Peterburge 13 apr. 2018 g.) // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Bayaman, U. B. Sovremennoe sostoyanie mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya migracii // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2020. T. 10, № 11-1. S. 274–280.
7. Glazova A. P. Sotrudnichestvo gosudarstv s cel`yu presecheniya nezakonnoj migracii na more: prinuditel`ny`e mery` pravooxranitel`nogo xaraktera // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. № 3(38). S. 342–353.
8. Dinorshox A. M. Osobennosti mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya voprosov zashhity` prav trudyashhixsya-migrantov v ramkax OON // Yuridicheskij vestnik. 2021. № 1(5). S. 94–98.
9. Durnev V. S. Normy` mezhdunarodnogo i nacional`nogo prava v sfere migracii // Mezhdunarodny`j zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2019. № 1. S. 14–20.
10. Kiseleva E. V., Kazhaeva O. S. Pravozaщhitny`j podxod k migracii i Celi razvitiya ty`syacheletiya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 6(105). S. 131–141.
11. Kry`sin L. P. Illyustrirovanny`j tolkovy`j slovar` inostranny`x slov. M.: E`ksmo, 2008. 864 s.

12. Romashev Yu. S., Ostrouxov N. V. Migraciya na more : mezhdunarodno-pravovy`e i organizacionny`e aspekty` // Pravo : zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2016. № 1. S. 149–165.

CONTENTS

5.1.2. Public and legal sciences	8
Psarras X. RESPONSIBILITY OF JUDGES AS AN ELEMENT OF THEIR LEGAL STATUS.....	8
Lysakovsky G. A. CONSTITUTIONAL JUSTICE AND ITS ROLE IN ENSURING THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM	21
Solov'ev P. V. ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF PUBLIC CONTROL INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION	33
Mazein A.V. LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF PUBLIC POWER.....	45
Sebastian J. PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS.....	56
5.1.5. International Legal Sciences	67
Pilipenko A. A. PROBLEMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST CRIME.....	67
Ouyang Ts. PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION	78
Kunitskaya O. M. INTERNATIONAL LEGAL PERSONALITY OF THE STATE.....	89
Carney T. DEBATABLE ISSUES OF DEVELOPMENT AND RECOGNITION OF INTERNATIONAL JUSTICE.....	100
Yang Shi PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF MIGRATION	112